

Мария Карташева

18+

ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ ЧАСТЬ 2

ШТОПАЯ
СЕРДЦА
21.3.2007

Городской детектив

Мария Карташева

**Городской детектив.
Штопая сердца**

«Автор»

2021

Карташева М.

Городской детектив. Штопая сердца / М. Карташева — «Автор», 2021 — (Городской детектив)

Затхлый дух старого склепа, свистящий по полу сквозняк, скрипящий под ногами песок, остывшие тела... Здесь и так живёт смерть, но сегодня кто-то хочет именно здесь скрыть свои деяния... А свидетелем этого становится Глафира, которая пришла на кладбище попрощаться... Особый отдел «УГРОЗА»! Их работы — розыск маньяков! Тех, кто орудует за гранью норм и морали, презирая все законы! Не чувствуя эмпатии! И порой их работа рисует на их спинах крупную мишень и кто-то хочет, чтобы страх теперь навсегда поселился в их головах. А ведь им нужно не только спасти себя, ещё не найден пропавший ребёнок, что-то случилось с Лопатиным-старшим, а вдобавок ко всему ещё и новое странное дело. Что ж, впереди новая веха в истории отдела и кто знает, что их ждёт за каждой перевёрнутой страницей!

© Карташева М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Карташева

Городской детектив. Штопая сердца

Глава 1

Вечерняя электричка выдохнула очередную порцию припозднившихся дачников и местных жителей, уезжавших на заработки в большой город. Люди разбежались по поджидавшим машинам, растеклись по плохо освещённым дорожкам, кто-то углубился в пролесок за станцией. Лидия Сергеевна устало откинулась на спинку кресла и проговорила:

– Нужно что-нибудь поближе к дому искать. Я устала каждый день мотаться.

– Лидочка может быть тогда обратно в город переедем? – Спросил мужчина, сидевший за рулём.

– Дима, тебя не поймёшь. То ты за городом хочешь жить, то наоборот. Тебе-то всё равно, где трудиться, а мне приходится мотаться. – Начала ежевечерний монолог, сидящая женщина.

– Ну погоди, мне за чертежи заплатят и мы сможем снять дачу поближе. Не сердись.

– Ладно. – Примирительно сказала женщина. – Я хлеб забыла купить, останови у магазина.

– Слушай, там асфальт позавчера сняли, я видел, когда ездил за водой. Может перебьёмся? – Скорчил грустную мину мужчина. – Вон и дождь начинается.

– Петя! – Оборвала его жена на полуслове. – Ты ж сам потом будешь сокрушаться, что хлебаешь ши без хлеба.

– Лидочка, твой лексикон – моя погибель. – Закатил глаза мужчина.

– А моя – твоя лень и безалаберность! – Сказала женщина. – Я за целый день и так устала слушать скуление воющих баб. Дай хоть сейчас голове отдохнуть. Вот здесь останови, я через аллею проскачу. – Лида увидела, что мужчина вознамерился выйти и остановила его. – Ну куда? У тебя ж горло и бронхи, а там дождь. Я сама. Быстрее будет.

Выйдя из машины, женщина, ковыряя каблучками сырую грунтовку, побежала по тропинке, ведущей через редкий ельник. Она нырнула к освещённому крыльцу магазинчика и, подойдя к прилавку, постучала:

– Эй, девчонки, есть кто?

Но ответом была тишина. Женщина недолго постояла, нервно постукивая кошельком по застеленной оргстеклом деревянной поверхности прилавка.

– Ну где вы там все? Черти! – Зло крикнула она и, бесцеремонно откинув дверцу, пошла на поиски продавца.

– Что вам? – Испуганно вскрикнула молоденькая девушка, появившаяся из дверей подсобки с большой коробкой печенья.

– Хлеба нужно мне.

После нескольких минут препирательств с продавцом Лида вышла из магазина, покачала головой и, внутренне продолжая скандальную перепалку, двинулась обратно.

– Ну хоть машину развернул. – Проговорила женщина.

Лида кое-как счистила липкую грязь с туфель, поморщилась и, подобрав подол платья, забралась в машину.

– Хамка попалась! Ещё шлялась где-то. – Женщина повернула голову в сторону пустого водительского сиденья и замерла. – Куда делся-то? Петя? Петь, ты где?

Женщина открыла дверь, покричала мужчину, потом выбралась наружу и стала ходить кругами, выкрикивая его имя сначала требовательно и громко, потом уже тише и моляще,

потом и вовсе расплакалась. Прождав на месте около часа, Лида трясущимися руками набрала номер полицейского участка и, коротко пересказав события, стала ждать прибытия полиции.

***

Ветер трепал деревья, ворожил серыми тучами, носил в прозрачных ладошках воду и дул на стёкла окон, орошая их лёгкой водной взвесью. Питерское лето хмурилось, плакало, тосковало, но никак не могло докричаться до солнца, чтобы то уже заняло своё законное место и хоть ненадолго выглянуло из-за пелены облаков.

Со дня похорон Ильи прошло уже три недели и сегодня было особенно тяжело. Сегодня Илье исполнилось бы тридцать три, но теперь он навсегда останется зажат между двумя датами, выбитыми на гранитном камне. Особенно мучительно для Глаши было то, что шустрые родственники мужчины быстро подсутились и сдали его квартиру в аренду. И теперь в окнах Ильи стал загораться свет, по вечерам в открытых створках строили рожицы дети, а строгая и вечно чем-то недовольная женщина постоянно покрикивала на них.

Теперь Глафира ночью и днём плотно задёргивала шторы и даже, для того чтобы проветрить комнату, просто открывала дверь, а к окну старалась вообще не подходить. Сейчас она смотрела на своё отражение в зеркало, мысленно прощалась с последним днём отпуска и готовилась выйти на работу. Через тошноту, через боль, осторожно ступая по осколкам своей души, она обязана была вернуться в реальный мир и продолжить плясать под дудку какого-то неизвестного кукловода.

– Ты куда, Воробушек? – Мать заметила, что Глаша стоит перед открытым шкафом.

– На работу! – Даже не поворачивая головы, проговорила Глафира.

– Ох, как же хорошо, что всё это скоро закончится. Всё, через несколько дней улетим и этот кошмар с твоей работой закончится. Я хоть спать смогу. – Людмила сложила руки в молитвенном жесте. – Как твои коллеги отнеслись к твоему решению?

– Мама, пышных проводов не будет. – Глаша вздохнула и улыбнулась матери. – Да и потом у них много своей работы, а я там попросту мешаю, как мне кажется. И теперь всё время сижу, перебираю бумажки. Я, наверное, сдала норму по делопроизводству на несколько месяцев вперёд. Я пойду, мамочка, не хочу опаздывать. – Девушка чмокнула мать в щёку и выскочила на лестницу.

Присутствие духа ей было сохранять всё сложнее, но изображать улыбку на лице оставалось совсем недолго. Глаша мыслями вернулась к тому дню, когда она смогла прийти домой. Это случилось только через двое суток после тех кошмарных часов в подвале, когда она держала Илью за руку и чувствовала, как замирает его пульс, смотрела в его глаза, а он уговаривал девушку не переживать! И это было самое невыносимое. Двое суток Глафира, после того как она наконец смогла выйти и позвонить Визгликову, не могла даже говорить. Все эти дни она просидела в отделе и возле неё круглосуточно дежурил кто-нибудь из коллег.

Когда Глафира вернулась домой, то увидела, как по квартире суетливо порхает радостная мама. Людмила собирала на стол, доставала из серванта самый нарядный сервиз редкой красоты, плетёную скатерть и мурлыкала весёлую песенку.

– Глашенька, где ты пропадала? Стасик звонил, сказал, что ты уехала в срочную командировку.

– Да. – Девушке с трудом давалось каждое слово. – В Ярославль. – Не моргнув, солгала она. – А что у нас за событие?

– У нас не просто событие! У нас потрясающая по своей грандиозности новость! Будут все!

Ужасающую новость о кончине Ильи удалось пронести мимо родителей и даже мимо соседей. Его родственники оказались людьми замкнутыми, они приехали через три дня после кончины, устроили скромные, скорее скудные, похороны и быстренько оформили договор с агентством недвижимости. Как оказалось, Илья владел квартирой с ними в долях и сейчас шёл

долгий и затяжной суд, где эти люди пытались оспорить решение родственницы Ильи. А жить ему позволили здесь по причине того, что у родственников где-то на Урале был небольшой бизнес, который они бросать не собирались и надеялись на расставании разобраться с наследственными делами и впоследствии просто сдавать свою часть площади. Поэтому скрыть страшную новость не составило труда.

А новость, которую приготовила мама, была и правда потрясающей. Когда родственники, включая криминалиста Казакова, которого тётя Рая теперь таскала на каждое семейное собрание, уселись за столом, папа Глаши встал и, искренне волнуясь, взял в руки рюмку и торжественно изрёк:

– Дорогие вы мои. Тут произошла странная для меня, но крайне замечательная вещь. – Отец ещё несколько секунд выпускал в пространство пустые и ничего незначащие слова, пока Людмила мягко не остановила его и не сказала:

– Короче, Костю пригласили работать за границу.

– Мне такую зарплату обещали, что я даже не мог сначала поверить. – Счастливо улыбался отец. – Нет, правда, я даже не знал, что столько денег могут платить.

Всеобщее напряжённое молчание взорвалось трескотнёй разговоров, лёгким звоном стекла, когда со всех сторон полетели тосты с пожеланиями и каким-то радостным весельем.

– Да погодите вы! – Еле пробился голос матери Глаши. – Это же не все новости. Место Косте предлагали давно. Но как мы могли уехать и бросить детей? – Она загадочно улыбнулась. – Так что Костя сразу поставил условие, что сможем принять предложение, если найдётся место для Глашеньки и Никиты! И что вы думаете? – Она снова замолчала. – Нашли! Настолько им нужен Костя, что подняли все свои связи и, тадам, Никите предлагают место в юридической конторе, они там какими-то арбитражами занимаются. Конечно, придётся пройти переквалификацию и ещё кучу всего, но место прекрасное. А Глашеньке предложили место в аспирантуре. – Мать с каким-то затаённым страхом посмотрела на Глафиру. – Воробушек, мы просто боялись тебе говорить. Но я надеюсь, что ты понимаешь, какую сумасшедшую карьеру можно там сделать. Конечно, нам всем будет очень непросто, но что такое два-три года нервотрёпки, – Людмила нервно рассмеялась, – зато потом жизнь полностью переменится.

И сейчас сумрак, царивший у Глаши в голове, вдруг развеялся. Эта ситуация была спасительным трамплином, потому что, если родители уедут, Глафира не будет так уязвима, а главное, она получит большую свободу действий.

– Квартиру нам, конечно, придётся продать, но там прекрасно развито ипотечное кредитование, и я думаю, у каждого из нас будет достойное жильё. – Вещала мать. – Глаша, Глаша, – пробился голос Людмилы сквозь тяжёлые мысли девушки, – ты же поедешь с нами?

Так Глаше удалось выиграть время и теперь каждый день она изображала радость, с тяжёлым сердцем врал матери в лицо, что ходит на работу и доделывает дела, а сама бесцельно кружила по улицам, отгуливая свой навязанный и обязательный отпуск. Вот и сегодня, в последний день, когда ей нельзя было показываться в управлении, Глаша вспомнила, что сегодня у Ильи день рождения, и если она не заставит себя взглянуть на его могилу, то сломается окончательно и возврата из этой беспросветной тьмы не будет.

***

Стылый летний ветер тянул между могильных оградок и крестов невыносимую тоску, он волочил за Глашей и ей казалось, что кто-то идёт рядом, вздыхает, кладёт руку на плечо и вот-вот заглянет в глаза. Морось дождя всё нарастала, и вскоре с неба полились каскады воды, пространство заволокло грозовой тьмой, и вдали заскрипели раскаты грома. Глаша плотнее натянула капюшон, поморщилась, оглядывая пластырь намокших джинсов, и подумала, что домой можно будет вернуться пораньше под видом того, что пришла переодеться.

Ещё издали девушка заметила свежую россыпь цветов, несколько скромных венков и ту самую гранитную плиту, на которой теперь будет жить память об Илье. Она останови-

лась поодаль, не решаясь приблизиться, потом вздохнула и, собравшись с духом, дошла до места, опираясь на холодный металл соседних оградок. Глаша долго стояла, вглядываясь в весёлое лицо, смотрящее с овала фотографии. Потом, отирая с лица натёкшую воду и слёзы, присела на простую скамейку, наспех сколоченную из досок, и долго смотрела на могильный камень.

Глаша сидела спиной к огромному раскидистому дереву и думала, что в таком месте Илье точно будет спокойно; он любил растения, а это дерево стало теперь сенью для его могилы. Оборвав себя на половине этих мыслей, девушка подняла глаза и ощутила бесконечное, горькое одиночество, словно те, стоявшие неподалёку, мраморные ангелы, что царпали мятущийся сумрак каменными крыльями. Но Глафире стало немного легче, она, наконец, смогла выплакаться. Здесь на кладбище это было уместно и к тому же кто пойдёт в такую штормовую погоду навещать своих усопших близких.

Но вдруг Глафира заметила движение между могилами и удивилась, что кто-то кроме неё готов принести своё горе в такую непогоду и пострадать в одиночестве. И хотя из-за дождя и качающихся веток кустарника было плохо видно, кто там ходит, да девушка особо и не всматривалась, всё-таки ей показалось странным, что человек прошёл несколько раз по одному и тому маршруту, причём сначала медленно и тяжело, а потом гораздо легче и быстрее.

Не обнаруживая себя, девушка быстро пробралась за естественной оградой кустарников и минут десять сидела возле большого камня, откуда хорошо была видна тропинка. Но поскольку больше никто не появлялся, Глаша подумала, что опоздала, а человек наверняка ушёл. Скорее всего, это был работник кладбища и видимо очень усердный, раз работал в такую погоду. Дождь только усиливался, гром уже перебрался ближе и теперь поминутно трещал в вышине, ветер жестоко трепал деревья, а молнии лупили в разные стороны, высвечивая бледные лица изваяний, верхушки деревянных крестов и оградки. Глаша уже решила, что с неё такого странного времяпрепровождения и слишком реалистичных декораций достаточно и хотела уходить, как вдруг очередной всполох высветил ещё один огромный валун, лежащий в метрах пятидесяти от неё. И увиденное просто выбило почву из-под ног у девушки. Она быстро достала телефон и стала судорожно включать видеокамеру.

Прямо перед ней разыгрывалась жуткая сцена. Глаша могла поклясться, что минуту назад здесь никого не было, но сейчас на камне стоял человек, он воздевал руки к небу, а самое страшное было то, что возле его ног лежало тело. Безвольно висящие руки, свёрнутая набок голова, проваленная синюшная кожа под глазами и неестественный желтоватый оттенок кожи, всё это Глаша успела увидеть в свете короткого электрического разряда. Следующая же за яркой вспышкой темнота, как ластиком стёрла картинку.

Глафира буквально вжалась в камень, за которым скрывалась, её трясло от холода и от кошмарной картинки, она не могла совладать с собой и снова выглянуть из укрытия. Но вдруг её метушийся от страха взгляд упал на могилу Ильи, девушка замерла, дрожащей рукой вытерла кривящийся рот, готовый выпустить рыдающий крик и ей показалось, что на секунду бешено скачущее сердце остановилось. Внезапно Глаша поняла, что это будет её прощением! Она просто обязана понять, что там случилось и не тогда, когда приедут другие люди, а именно сейчас, ибо она сама выбрала этот путь. И хотя в это жерло бури, к холодной стенке могильного камня её привела какое-то детское упрямство, с которым она рвалась на работу следователя, сейчас девушкой руководили другие чувства, которые гнали её через собственный животный страх, через ужас, бьющий по глазам увиденной картинкой.

Глаша ещё раз выглянула из-за камня, убедилась, что одна и потихоньку выбралась из укрытия. Человек, стоящий на камне явно так же думал, что в такую пору на кладбище точно никого не будет, поэтому вёл себя довольно открыто. И сейчас, когда Глафира осторожно оглядывалась, она увидела, что от видимой отсюда ограды кладбища отъезжает автомобиль. Девушка попыталась заснять его, но телефон уловил только движение деревьев и темноту.

Бросаться за ним было бессмысленно, грунтовка втыкалась в пролесок, а дальше можно было уехать по трём направлениям, и девушка бросилась к тому камню, где прежде возносил руки к небу мужчина. Но здесь не было никаких следов, словно в живом воображении Глафиры это всё нарисовал страх. Но ей удалось заснять краткую часть жуткого представления, и она твёрдо была уверена в том, что видела. Сейчас Глаша вспомнила, что видела, как он ходил несколько раз туда-обратно и явно носил что-то тяжёлое. Оглядевшись, она заметила, что внизу тропинки стоит какое-то здание, оказавшееся приземистой постройкой, почти полностью затянутой поволокой разросшегося кустарника. Глаша, скользя по раскисшей тропинке, добралась до подгнивших деревянных дверей и увидела, что возле самого входа на каменном приступке остались грязные отпечатки ботинок. Стараясь не затоптать следы, Глафира толкнула дверь и заметила, что на ручки намотана цепь, скованная новеньким замком. Девушка постаралась максимально расширить видимое пространство, толкнула дверь и та поддалась. Глаша заметила, что гвозди, державшие дверную ручку, еле цепляются за волокна старой, позеленевшей древесины. Девушка поднажала и провалилась вслед за отлетевшим полотном внутрь холодного сумрака чьей-то усыпальницы.

***

Визгликов вынырнул из монотонного перебора слов нового начальника, глянул на экран телефона и, слегка удивившись, нажал на кнопку ответа, покивал и сказав кратко:

– Едем. – Отключил телефон.

Новый начальник отдела, полковник Копоткин, уже четверть часа расписывающий расхлябанное поведение сотрудников, прервался на полуслове и зло глянул в сторону Визгликова.

– Что Станислав Михайлович? Собрание не для вас? Или вы предпочитаете вместо того, чтобы в своей жизни хоть что-то умное услышать, переговариваться с кем-то более достойным, по вашему мнению? – Сощутив глаза, прокаркал начальник отдела.

– Нет. – Невозмутимо сказала Визгликов. – Я выезжаю на место происшествия.

– Я тебя уволю! За самоуправство, за самодурство! – Грохнул по столу кулаком Андрей Ярославович. – Ещё неизвестно, что там с твоим братом такое, может вы в подельниках. Я вообще хотел бы отстранить тебя от службы.

– Это пожалуйста, я буду только рад. Но пока вы строчите отчёты и пишете докладные, я немного поработаю. – Визгликов оглядел коллег. – Там Польская труп нашла, надо ехать.

Лисицына удивлённо воззрилась на Стаса, потом перевела взгляд на Копоткина и со вздохом произнесла.

– Я как ваш заместитель внимательно выслушаю всё, что вы скажете, а потом передам команде. Мне представляется неразумным игнорировать сигнал от нашего коллеги, тем более такой тревожный. Или вы предлагаете, чтобы на место происшествия вызвали местное следствие и потом начались вопросы?

– А что, эта Польская ещё разве сотрудник? – Недовольно произнёс начальник. – Я же распорядился её убрать!

– Одного вашего желания для этого недостаточно. Глафира Константиновна прекрасно исполняет свои обязанности и у меня пока нет повода для её отстранения от работы. – Устало произнесла Лисицына и сделала незаметный для Копоткина изгоняющий жест, давая понять Визгликову, чтобы они ехали по делам.

***

Прибыв на место, Визгликов, Латунин и Погорелов быстро преодолели добрый километр пути, ведущий к новым захоронениям и вскоре оказались на границе со старой частью кладбища, где их ждала Глафира, которой в помощь был реактивно направлен местный экипаж ППС. Глафира, которая упорно отказывалась идти греться в машину, дрожа от холода, вся перепачканная при падении, выползла из склепа навстречу коллегам и, глянув на них, произнесла.

– Я дверь выбила, наверное, улики испортила. Там, кстати, не один труп, там просто ад какой-то. – Девушка потыкала себе за спину рукой.

Визгликов, не скрывая крайнего изумления, глянул на оперативников, потом на Глашу и медленно произнёс со скорбной миной.

– Глафира, ты даже себе представить не можешь, как я рад что ты в строю. – Он помолчал и проговорил. – Ты можешь мне объяснить, какого ляда ты в грозу на кладбище припёрлась?

Глаша потупила глаза, показала рукой в сторону и мрачно проговорила:

– Я Илью навещала, у него сегодня день рождения, – девушка вздохнула, – было бы, а я ни разу не была ещё здесь.

– Ну ты, как всегда, выбрала самое удачное время. – Тихо проговорил Визгликов. – Ладно, быстро обрисуй, что ты тут видела, и ребята, – он кивнул на патрульных, – тебя домой отвезут. Тебе как минимум переодеться нужно. Хорошо ещё, ты навстречу нормальным людям оттуда не появилась, а то кто-нибудь точно бы в ящик сыграл. – Покачал головой Визгликов.

Глафира молча включила телефон и протянула его Визгликову. Стас несколько секунд вглядывался в тёмную картинку, потом на экране полыхнула молния и он увидел, то же что и Глафира. Визгликов помрачнел, тяжело вздохнул и тихо проговорил:

– Я так думаю, тебя Капоткин будет медленно уничтожать и с большим удовольствием. Он-то не знает, что от тебя можно вот такой подлянки ждать, ещё и с видеофиксацией. Ладно, ты домой, а мы в усыпальницу. Позже в управлении встретимся.

Визгликов, морщась от затхлого духа и освещая себе путь фонарём, спустился по ступеням и замер на пороге. Склеп был явно очень старый, пол уходил в глубину примерно на метр, вниз вели широкие мраморные ступени, пол был выложен огромными серыми плитами, и по стенам тянулись длинные ряды пустых пологов. Посреди каменного зала стояло возвышение в виде стола и сейчас на нём, вытянув руки над головой, лежал юноша.

Наверху послышались охи и вздохи, Стас развернулся и увидел, что к нему спускается Погорелов, который уже успел сходить за местным сторожем и сейчас слушал нестройный рассказ старика, крепко перемешанный с водочным перегаром.

– Слышите, граждане милиционеры, ну отродясь такого не было, чтобы у нас что-то произошло. Вы вот не подумайте, что я хвастаюсь, но у нас даже не озорует никто. – Мужчина тряс себя за грудки. – Мы даже хануриков всех и алкоголиков извели. – Гордо проговорил он, потирая синий от многодневной щетины подбородок. – На этих словах он вдруг увидел распростёртый труп и остановился. – Пресвятые угодники! – Мужчина размахисто перекрестился и выпучив глаза стал пятиться назад. – А что это?

– Труп. – Лаконично ответил Погорелов.

– Но у нас же всегда всё в порядке было, все покойники по расписанным местам лежат. – Даже как-то расстроено протянул старик.

– Ну, значит этот с нарушениями прибыл. – Мрачно пошутил Визгликов. – Вы б пока на улице подождали, – он укоризненно посмотрел на Погорелова, – рвение я оценил, но лишние следы нам не нужны. Там уже определились кого к нам откомандировать могут?

– Казаков звонил, он едет. Кто из паталогов пока не знаю. – Коротко бросил Погорелов и повёл сторожа на улицу. – Сейчас вернусь.

Визгликов быстро осмотрел труп юноши и, посветив себе под ноги, увидел, что пыль на полу сбита, и длинный тянущийся след ведёт за угол. Стас двинулся вперёд, расчищая темноту светом фонаря. Дальше, после маленького коридорчика, был ещё один зал, где тянулись такие же каменные пологи, как и в первом зале, но здесь ситуация была другая, на некоторых из них лежали чёрные мешки. Стас внутренне напрягся, выудил из кармана полиэтиленовый пакет и прощупал один из мешков. Там совершенно точно было тело.

– Чего здесь? – Спросил Погорелов, появляясь в дверном проёме. – Я даже не знал, что такое есть у нас. – Очерчивая фонарём пространство, проговорил молодой человек.

– Здесь, Серёга, тела. – Коротко резюмировал Стас. – Пошли на выход. Как минимум хорошие фонари нужны и сейчас наша основная задача сохранить место в первозданном виде, не уничтожая улики своими действиями.

Визгликов и Погорелов молча выползли из подвала, Стас глотнул свежего подсушенного ветром воздуха и посмотрел на слегка очистившееся от накипи туч небо.

– Краткая минута спокойствия. – Вдруг сказал он. – Сейчас начнётся свистопляска. А мы ещё тот клубок не размотали. – Он махнул рукой. – А чего у нас Латунин такой пасмурный? У нас, конечно, мало поводов для радости, но Роман чего-то вообще скис.

– Да там личное. – Тихо ответил Погорелов.

– У нас личного нет, всё только общественное, так что Погорелов колись. – Вяло поинтересовался Стас.

– Надежда его замуж выходит.

– Ну ничего, зато вера и любовь всегда останутся с ним. – Покивал головой Стас. – Я думал, что-то серьёзное.

Недолгий просвет снова заполнился сизым градиентом туч, начал накрапывать лёгкий дождь, Погорелов отправился искать мощные фонари, так как сторож сказал, что рядом какая-то стройка ведётся, а Визгликов пошёл навстречу спешившему Казакову.

– Стас, что у вас случилось? – Спросил Юрий, держась за могильные ограды, чтобы не упасть на скользких дорожках.

Но как бы аккуратно он ни спускался, всё равно щедрая порция грязевых брызг щедро ложилась на светлую ткань идеально отутюженных брюк.

– Не по сезону ты одет. – Протянул руку Стас.

– Так ведь лето. – Поморщился криминалист. – Ну хотя бы календарное.

– Сейчас фонари принесут, вроде нашли. Там трупы в склепе.

– В этом нет ничего необычного. – Поднял брови Казаков.

– Ну как сказать. Их, похоже, ночью сегодня привезли, так сказать, не уведомив местные власти. – Сказал Стас.

– Кто нашёл? – Пресно спросил Казаков, быстро набирая сообщение на телефоне. – Сто-рожа?

– Нет. Глаша. – Ответил Стас.

Казаков покивал, потом до него дошёл смысл сказанного, и он оглядевшись протянул:

– А что она здесь делала?

– Юра, я тебя уважаю и очень прошу сейчас мне не задавать архисложных вопросов. Я вообще плохо понимаю, как устроен запутанный сюжет Глашиной жизни. Я даже почти не удивился, когда после трёхнедельного молчания она сегодня позвонила и сказала, что труп нашла. И вот это, – он показал Казакову видео, снятое Польской.

– Надо бы её вместе с родителями всё-таки отправить на ПМЖ в Швецию. – Задумчиво произнёс Казаков.

– Юра, чем тебе шведы не угодили. – Вяло отозвался Стас. – Польская наш крест и, поверь, мы никакими усилиями её не выкорчем из отдела.

Вдалеке показался Погорелов и местный участковый, который помогал тащить фонари и тянул за собой огромную катушку удлинителя.

– Ну, похоже, можно начинать. – Сказал Визгликов.

***

К концу рабочего дня большая часть отдела смогла собраться в рабочем кабинете и поделиться нерадостными новостями, так как Копоткин через секретаршу объявил о новом собрании.

– Если мы будем каждый день тратить на его торжество самолюбования чёртову тучу времени, то некому будет разгрести очередное дело. – Ворчливо заметил Стас.

– Вариантов у нас нет. – Поджав губы, сказала вошедшая Лисицына. – Пошли, на месте доложите, что там по кладбищу.

Но «вечерняя сходка», как её шутливо называл Визгликов, была особенно радостной. Копоткина вызвали в столицу о чём он скоро сообщил, оставив вместо себя Лисицыну и отбыв буквально сразу после всех наставлений в сторону подчинённых.

– Может его там оставят? – Спросил Визгликов. – А то нам в качестве наказания одной Польской достаточно.

– Спасибо. – Простуженно проскрипела Глаша.

– Молчи бацилла, ты нас всех заразишь. – Отмахнулся Стас.

Лисицына села в начальственное кресло, постучала карандашом по столу и сказала:

– Давайте посерьёзнее. Стас, что там по кладбищу?

– Ну, неучтённых покойников мы вывезли.

– Станислав Михайлович! – Прогремела Лисицына. – Давайте посерьёзнее. – Повторила она.

– Вот и я говорю, что начальственное кресло сразу же чистит горловые чакры. – Проворчал Визгликов. – В склепе мы обнаружили шесть тел. Возраст и пол разные, то есть там и мужчины, и женщины. Самому младшему на вид лет тридцать, старшему ближе к шестидесяти, по словам патологоанатома. Причину смерти, на первый взгляд, обнаружить не удалось, обещали вскрыть и сказать отчего оные скончались. – Визгликов пожал плечами. – Каких-то особых примет, вроде отпечатков пальцев или оброненного паспорта убийцы тоже не обнаружено.

– Роман, – Лисицына посмотрела на Латунина, – позвони в цирк, пожалуйста. Скажи, они клоуна у нас забыли! Стас хватит! Там шесть трупов, а ты глумишься. Есть надежда, что он туда вернётся? Что чутьё подсказывает? Может это ритуальное убийство?

– Ну, было бы неплохо, можно даже засаду организовать, но товарищ Польская вышибла дверь в склеп, а так как последняя на ладан дышала, то рассыпалась в щепки. Реставрировать труху не удастся, поэтому вряд ли злоумышленник, увидев новёхонькую загородку, пойдёт дальше.

– Понятно! – Лисицына мазнула недовольным взглядом по Глафире. – У нас Нефёдова-младшая вообще неизвестно где! У нас чёрт-те что творится, а нам смешно.

– По Ане Нефёдовой могу доложить следующее, – Кирилл раскрыл папку, – дядя её активно сотрудничает, он реально за ребёнка переживает. Мы с ним прошлись по всем родственникам, даже по тем, о ком он и забыл. К нескольким съездили, но увы, никаких следов Маргариты. Но есть интересная деталь. – Кирилл вынул из дела фотографию. – Это подруга Веселовой, они с этой девочкой дружили довольно долго, пока Юлю не удочерили. Так вот, мы уже несколько дней не можем связаться с её родителями. Их курировать служба опеки перестала давно, через школу сложно зайти, сейчас лето, а родители Юли сейчас в отпуске. Выясняем, куда могли уехать и у них, по словам соседей, дача есть.

– Отлично! – Съязвила Лисицына. – Три недели работы и почти нулевой результат. Но хотя бы что-то!

– Есть просвет в поисках Лопатина-старшего? – Она адресовала вопрос Визгликову.

– Нет. – Стас покачал головой. – Мишку мы привезли, но он ничего не знает. Ему передал этот листок с наброском, какой-то возможный свидетель. Сосед мужика, у которого заказывали баннер. Он тогда и видел, по его словам, Андрея. Нарисовал и отдал Мишке. Тот дурак себе надумал конец света и рванул в послушники, ибо расследовать возможные преступления своего родителя никак не мог. Подумать о том, что это может быть элементарной подставой, он не догадался.

– Почему ты думаешь что это подстава? – Спросила Анна Михайловна.

– Потому что я рассматриваю все варианты!

– Надо бы найти этого соседа. – Вставил слово Погорелов.

– Он снимал там квартиру, паспорт никому не показывал, потому что знакомый знакомого и так далее. – Начертил фигу на листке бумаги Стас. – И знаем только имя. Зовут его Лавр, он так Мишке представился.

– Лавр? – Глаша вскинула глаза на Стаса.

– Да.

– Дядя Веселовой сказал, что один раз слышал такое имя. Вроде ей какой-то мужик помогает, она его однажды Лавром назвала. Он ещё тогда о нём упомянул в лагере.

– Три недели! А такая важная информация не была выявлена! – Гаркнула Лисицына. – Обязываю всех быть полностью в курсе дела! Вся информация – на стол. Хоть ночью наизусть учите. Это понятно!

Все молча покивали и только Глаша откашлялась, распрямила плечи и, глядя в стол, проговорила:

– Ну, наверное, как-то неправильно жалеть мои чувства. – Глаша тщательно складывала из листка бумаги квадратик. – Я вам всем очень благодарна, но теперь моя очередь. Точнее, теперь я смогла полностью восстановить тот день в своей памяти. Сегодня смогла.

***

Глафира отпила ещё глоток коктейля, с сожалением поставила бокал на стол и, поднявшись с места, двинулась к выходу.

– Глаша, а можно я с тобой? – Несмело произнёс Илья. – Ну так мы хоть какое-то время вместе побудем.

Глафира на секунду задумалась, потом пожала плечами и сказала:

– Ну, поехали. Только там может быть какая-нибудь неприятная картина!

Поймав такси, Илья с Глафирой сели на заднее сиденье, и Илья всё время возбуждённо выпрашивал у Глаши, куда они едут и что будет, когда приедут.

– Илья, мне Визгликов сказал, что ничего серьёзного, но я ближе всего. Поэтому ты просто постоишь на улице, а я просто пойду и посмотрю в чём дело. Если и правда всё быстро, то мы и дальше поедём пьянствовать. Лично я не могу уже полноценно работать, ибо половину бокала я всё-таки осушила. – Сегодня Глаша впервые почувствовала, что совсем не хочет работать.

Выйдя в означенном месте Глаша и Илья огляделись. На улице было пусто; старые здания, готовясь к сносу, по своему грустили. Глафира несколько раз набрала номер, с которого звонил Визгликов, но абонент был недоступен, и она пошла по примерным устным ориентирам, которые он ей оставил.

– Куда все делись-то? – Пожала она плечами. – Илья, подожди меня здесь, я сюда загляну. – Она показала на дверь, над которой висела половина оборванной таблички с надписью «...ары». Стас Михайлович, вы здесь?

Услышав чей-то глухой голос, Глафира удовлетворённо кивнула и пошла внутрь. Девушка, подобрав полы длинного сарафана, переступила валяющиеся ящики, шёпотом определила место, куда идти к Визгликову и, войдя в сырое, тёмное помещение, огляделась.

– Ну где вы там?

– А мы здесь? – Отозвался незнакомый голос.

Глаша развернулась и ей показалось, что из лёгких мгновенно выкачали весь воздух. Позади неё стоял мужчина, но перед ним стоял Илья, и возле его горла блестело лезвие ножа.

– А ты мне нравишься всё больше и больше. Ты даже облегчила мне задачу. – Шёпотом проговорил человек. – Я думал всё-таки красиво расписать тебя, но ты привела друга и теперь в вашей команде будет ещё кто-то кроме Визгликова, кто будет нести глубокое личное горе. Так даже интереснее.

– Прекратите немедленно! Сюда едут оперативники, я их сразу вызвала, как только выехала на место. – Строго сказала Глаша, у которой сердце прыгало где-то в пятках, а живот сводило судорогой.

Она прекрасно понимала, что они здесь только втроём и что сейчас напротив неё стоит как раз тот человек, которого они тицетно ищут.

– Прекрасно, тогда нам нужно поторопиться!

Вдруг несколькими точными движениями мужчина сделал разрезы на запястьях Ильи, толкнул его Глаше на руки. А когда она бросилась навстречу и поймала летящее тело, ломаясь в коленях под его тяжестью, мужчина проговорил:

– Ты здесь будешь сидеть два часа! Ты будешь смотреть, как он умирает и даже не подумаешь его спасти! Если ты меня слушаешься, то твоих родственников, прекрасную маму, отца, брата и его отпрысков, постигнет не менее тяжёлая участь. – Он помолчал. – Это вам всем наставление. Никто не имеет права уйти! Никто не имеет права отказаться от дела! И поверь, если ты сейчас дёрнешься, я об этом узнаю! И я приду за твоими близкими. – Он помолчал. – Хотя тебе выбирать, ведь ты можешь сейчас вызвать скорую и его спасут. А можешь сидеть и несколько часов смотреть, как он умирает.

Глаша знала, что она не будет делать выбор. Она навсегда осталась в том подвале, где сидела прижатая тяжестью тела Ильи, видела вытекающую из него кровь, держала его, когда он бился в конвульсиях последней агонии, и оттуда она вышла уже совершенно другой. Тогда родилась совершенно другая Глаша, и на улицу вышла только её тёмная сторона, потому что всё хорошее делало девушку слабой!

Глава 2

В раскрытые окна насадно орала музыка. Сумбурный мотив прицельными ударами бомбил соседские головы, люди в возмущении глядели вверх, откуда слышались пьяные крики, клубами вырывался сигаретный дым, и чей-то голос вторил незамысловатым словам.

– Когда наш двор перестал быть приличным?! – Проговорила Людмила, выкладывая на тумбочку в Глашиной комнате порошки и пилюли, которые, если верить рекламе, должны были в считанные дни поставить её на ноги. – И как ты могла подцепить инфлюэнцу в это время года?

– Мама, – хрипло отозвалась Глаша из-под одеяла, – я понимаю, что тебе нравится это красивое слово, но у меня обычная простуда. У неё точно нет дворянских корней.

– Пошути, пошути. Тебя в самолёт в таком виде не пустят. А опоздать мы не можем, – женщина старательно растворила в тёплой воде порошок розового цвета, остро пахнувший какой-то химией с малиновой отдушкой, – папу уже ждут на работе и если он не приедет, то заплатит какой-то неприлично большой штраф. – Людмила встряхнула градусник и протянула Глафире. – На, поставь этот.

– А что прошлый как-то неверно показывал? – Глафира поморщилась от прикосновения холодного стекла.

– Кстати, – пропуская вопрос мимо ушей, сказала Людмила, – тётя Рая решила, что она будет жить на даче. Бабушка теперь тоже хочет перебраться туда на круглогодичное проживание, пока мы не купим дом на новом месте. Потом переберётся к нам.

– А Казаков тоже там жить будет? – Ухватилась за информацию Глафира, прикидывая, что вполне можно что-то придумать и снимать квартиру у криминалиста, если он удачно переедет жить на их дачу.

– Ну, похоже что так. – Людмила вдруг задумалась. – Нужно Любу попросить мёд привези. Ей какой-то особенный привезли.

– Мама, я буду в порядке. – Проскрипела Глаша, а сама подумала, что теперь не придётся лгать и выворачиваться, чтобы как-то объяснить матери, что она останется здесь. Теперь можно попросту крепко заболеть!

В форточку ворвался очередной залп скверной музыки, и Людмила испуганно вздрогнула.

– Я, наверное, сейчас буду звонить участковому, – покачав головой, проговорила Людмила, – я не пойму, когда закончится этот балаган.

– Дай мне телефон. – Мрачно сказала Глаша, утянула мобильник к себе под одеяло и, набрав номер дежурного, проговорила. – Это Глафира Константиновна. Да, Польская. Простудилась. Не в службу, а в дружбу, можно квартирантов утихомирить, а то весь двор на ушах стоит. – Она протянула матери мобильник и проговорила. – Сейчас их успокоят. Видишь не так уж и бесполезна моя работа. Есть нужные связи.

– Меня радует только одно, что скоро у тебя будут приятные, респектабельные связи, а вскоре, я надеюсь, и романтические. – Мечтательно проговорила мать. – Мы купим домик возле какого-нибудь красивого озера, и я там буду гулять с внуками. Причём не только с Никиткиными детьми, но и с твоими.

– Ну, главное, чтобы они там не утонули в красивом озере, а то испортится всё очарование. – Лягнула Глаша.

Людмила долго и молча смотрела в приоткрытую щёлку одеяла, откуда торчала половина лица дочери, потом покачала головой и развернувшись вышла.

– Меня скоро нельзя будет людям показывать. – Прошептала Глафира.

За те несколько дней пока она лежала в кровати, Глаша уже десяток раз пересмотрела снятое видео, но ничего нового или примечательного не обнаружила. Зато заметила, казавшуюся ей забавной, особенность – теперь она постоянно сталкивалась лицом к лицу с преступниками. Нет, она, конечно, предполагала, что так и будет, когда шла работать в правоохранительные органы, но положение следователя-жертвы её смущало.

Эти рассуждения увлекли девушку в пугающий пятнами страха сон, и проснулась она далеко за полночь, плавая в испарениях болезни, с прилипшим к затылку комком волос и бешено бьющимся сердцем. Задышавшись кашлем, Глаша потянула руку к телефону и набрала номер Визгликова.

– Ты опять труп нашла? – Произнёс Стас.

– Не смешно. – Глухо сказала Глаша.

– Поверь, я с тех пор, как ты в отдел пришла, смеяться перестал. Ну что тебе?

– Я вспомнила. У него на тыльной стороне локтя татуировка была. Увидела, когда он руки к нему тянул. Там точно что-то было изображено.

– Может, пятно родимое? – Спросил Визгликов.

– Нет, скорее всего, татуировка. Края чёткие и образ рисунка. У невуся обычно более размытая структура.

– У кого? – Переспросил Стас.

– Родимые пятна так называют – некус. – Повторила Глаша.

– Польская, если ты думаешь, что, произнося незнакомые близким и коллегам слова, ты выглядишь умнее, то спешу тебя разочаровать. Это не так. И ещё! Если бы ты вот вспомнила адрес преступника, его лицо, фамилию или имя, то по такому поводу можно звонить одинокому мужчине ночью. А чтобы поведать о его невусях можно и утра дожидаться. – Размеренно произнёс Стас.

– Но вы-то мне звоните по ночам.

– Мне можно. – Важно произнёс Стас.

– Офигенный аргумент. – Зашлась кашлем Глаша и повесила трубку.

Через два дня Глафира стояла замотанная в халат на пороге дома и увещевала чуть ли не рыдающую мать.

– Мама, хватит концерт разыгрывать. Я словно маленькая девочка, которую нельзя дома в одиночестве оставить. Что это за бред. – Всплеснула руками Глафира.

– Глаша, самое ужасное, что тебя будут терзать просмотрами. – Людмила покачала головой, печально глядя на чемодан. – Я договорилась с агентством, что они сами всем займутся. Там у Наташи работает дочка.

– Мама, всё будет хорошо. – В тридцатый раз повторила Глафира и наконец выдохнула.

В дверях показался запыхавшийся отец и разочарованно протянул.

– Люда, мы опоздаем на рейс. Никита с ребятами туда подъедут сами. Поехали скорее. – Польский-старший обнял дочь, наскоро клюнул в щёку и проговорил. – Глафира, не подведи меня, быстро на поправку и ждём тебя на следующей неделе.

– Да, пап. Конечно.

– Сейчас, сейчас. – Людмила всё ещё стояла на пороге, рассеянно шарила по квартире глазами, словно не веря, что сейчас она переступит порог родного гнезда в последний раз.

Через полчаса обессиленная Глаша осталась совершенно одна, она поплелась к кровати, рухнула в мягкую постель и долго лежала, утопив лицо в подушку. Ей уже вчера стало гораздо легче, но она старательно изображала все признаки болезни и ухудшения и уже не могла дожидаться, когда можно будет стянуть с себя опостылевший халат и приняться за работу. Телефон на тумбочке зазвонил и Глаша, покосившись на него, вздохнула. Звонила мама.

– Глафира, а что происходит? – Спросила мать каким-то странным голосом.

– У кого? – Откликнулась девушка, садясь на кровати.

– Почему мне Виктория Карловна сказала, что Илья умер?

Глаше показалось, что вокруг неё накалился даже воздух. Зная особенную страсть матери к поддержанию людей в трудной ситуации, даже когда они не особо в этом нуждались, девушка прекрасно понимала, что сейчас папин контракт полетит в тартарары, а квартиру всё-таки придётся продать, чтобы оплатить неустойку по договору.

– Мама, я вчера разговаривала с Ильёй. – Сами по себе произнесли губы Глаши. – Он просто проиграл суд с родственниками, теперь квартира их, и он перебрался к родственникам в Новосибирск.

Внутри Глашиной головы с треском ломалась прошлая реальность, в которой она верила в сказочных животных и в победу добра над злом. Сейчас она говорила такую чудовищную ложь, что раньше испугалась бы, что у неё отсохнет язык.

– А как же его работа?

– Мама у него в Новосибирске невеста. Она дочь какого-то институтского ректора. Думаю, без работы Илья не останется при таком знатном сватовстве. – Глаше вдруг показалось, что в квартире стало очень холодно, как было в том подвале, когда её руки буквально резала вытекающая из Ильи кровь.

– Милая, как же всё это печально. – Тихо уронила Людмила. – Если ты хочешь, я вернусь. Папа пусть едет, а я помогу тебе как-нибудь разобраться с этой печалью и потом вместе улетим.

– Мама! – Вдруг неожиданно жёстко сказала Глаша. – А тебе не кажется, что тебя стало очень много в моей жизни? Ты уже не даёшь мне продохнуть. Оставь меня в покое. – Глаша перевела дух. – И это не истерика и не надо нестись обратно сломя голову. Пожалуйста, поезжай в свою Швецию, там ты будешь на своём месте. А я просто хочу отдохнуть от тебя, от папы, от нашей большой и дружной семьи, прямо-таки лоснящейся от того, что все друг друга любят. Ты лучше обрати своё внимание на Никиту. Поверь, там есть о чём подумать. – Глафира нажала на отбой и мысленно попросила у брата прощение, потому что когда в маминой голове осядет туман обиды, она точно вспомнит Глашины слова, и жизнь брата подвергнется жёсткому изучению.

***

Лисицына уже несколько часов изучала протоколы допросов, подшивала бланки справок, механически вынимала из разрозненных бумаг запросы и вставляла их в папку. Её мысли занимали события последних дней, она понимала, что отделе уже перегруз дел, и на днях придётся сообщить начальству о том, что теперь они фактически заложники человека с манией величия и большим воображением. Копоткин достанет свою «лопату для особых случаев», немедленно закопает её карьеру, а что хуже всего, просто не даст работать. Он не поверит в то, что близкие им люди могут пострадать, даже после истории с Ильёй.

И сейчас Лисицына была перед очень тяжёлым выбором. Фактически сейчас она должна была встать со своего кресла, сесть в такси и отправиться на приём к своему бывшему непосредственному начальнику, который теперь занимал хорошую высокую должность и когда-то имел на Аню Лисицыну виды. Ну конечно, до того, как она вышла замуж, родила, расплнела и вообще стала совершенно другим человеком. Анна глянула в зеркало, цокнула языком, рассматривая чуть оплывшие черты подбородка, косой шрам, уставшие глаза с потухшим васильковым блеском и вслух произнесла:

– Ладно!

Быстро собравшись, она столкнулась на выходе с Визгликовым и, глянув на него, проговорила:

– Станислав Михайлович, я дело, которое валялось на вашем столе, привела в порядок. Ещё раз бросишь документы, я тебе влеплю выговор. – Строго произнесла она.

– Из ваших уст даже слово выговор звучит прекрасно. – Ответил Визгликов, ковыряясь палочкой в стаканчике с мороженым. – Хотите? – Он протянул Анне почти доеденное лакомство.

– Спасибо, Стас. Ты очень галантен. – Покачала головой женщина. – Ладно, я по делам. Вечером собрание.

– Вот я и говорю, что начальственное кресло портит характер. Копоткин тоже всё любил собрать по вечерам коллег и покалякать за жизнь.

– Нет Стас, мы будем с вами калякать исключительно по делу. – Лисицына помолчала. – Новостей нет?

– Нет. – Визгликов покачал головой. – Ночевал у матери, там тошно словно в похоронном бюро.

– Я поняла. – Лисицына вздохнула и потрепала Стаса по плечу. – Будем как-то выкруливаться из этой ситуации.

В коридоре вдруг шумно затопал Погорелов, он на ходу хлебал воду из стаканчика, проливал капли на свежий ворот рубашки и почти бежал по направлению к Лисицыной и Визгликову.

– Я мужика нашёл. – Проговорил он.

Визгликов приподнял брови и огляделся.

– Я, конечно, довольно толерантен, но ты бы потише хвастался, у нас в стране такая пропаганда не в чести.

Погорелов наморщился, непонимающе уставился на Стаса, потом его мозг расшифровал послание, и он картинно плюнул.

– Станислав Михайлович! – С нажимом произнёс Погорелов. – Я мужика нашёл, которому склеп принадлежит. Но он пропал.

– Серёжа, ты можешь как-то более структурировано и понятно выдавать свой мысленный винегрет? – Со вздохом спросил Визгликов.

Лисицына перевела взгляд на настенные часы и, перехватив сумку в другую руку, произнесла:

– Ладно, вы разбирайтесь, а я поехала.

Мужчины молча глянули ей вслед и скрылись в кабинете. Погорелов снова налил себе полный стакан воды и, опрокинув в рот, присел напротив Стаса.

– Короче, склеп пробили, ну, кому он принадлежит. – Погорелов вытер испарину со лба. – На адрес сунулись, там хозяин уже несколько месяцев не появлялся. Начали искать, никто ничего не знает. А потом приходит ориентировка, что подано заявление о пропаже владельца склепа.

Визгликов кивал в такт словам Погорелова, в то же время открывал ящики стола, шарил рукой в каждом и, наконец, вытянул леденец в потёртой обёртке.

– На! – Сказал он, протягивая конфетку. – И отсыдь от меня.

– Да мы с пацанами чего-то не рассчитали. – Виновато пожал плечами Погорелов.

– Это я заметил. Дальше.

– Дальше пока ничего. Нужно к ним ехать. Я связался с районным отделением, где принимали заявление. Мне адрес дали, где живёт женщина, которая подала заяву. – Сказал оперативник.

– А телефон они тебе её дали? – Проговорил Стас.

– Да. Я ей позвонил и на вечер договорился встретиться.

– Где?

– Ну там. У них. – Неопределённо мотнул головой Погорелов.

– А «ну там у них» это где? – Спокойно переспросил Визгликов.

– Блин, Стас. На даче, где они живут. Посёлок, – Погорелов заглянул в заметки, – Лебедевка.

– А работает она где?

– В Питере.

Визгликов устало глянул на Погорелова, тот несколько минут соображал, а потом аккуратно изрёк.

– Это в плане, чтобы я с ней договорился здесь встретиться? В городе?

– И приз за сообразительность и смекалку достаётся оперативному сотруднику Погорелову. – Бесцветным голосом произнёс Визгликов. – Я поехал к Нинель, она сказала, что жаждет меня видеть, а ты сориентируй, где мы будем встречаться с этой дамой. И иди супчику, что ли, похлебай, а то она захмелеет от такого духа.

– Ну ладно, мы ремонт отметили. – Обиженно протрубил Погорелов.

– Хорошо, когда у людей есть повод для радости. – Пробормотал Визгликов и вышел из кабинета.

***

Лисицына пристально смотрела на молодую белокурую девушку, сидевшую в секретарском кресле и усердно пялящуюся в монитор. Анна Михайловна уже десять минут не могла получить внятный ответ на простой вопрос о том, когда будет начальник.

– Вы же понимаете, что нельзя просто так зайти с улицы и попасть на приём. – Разводила руками девушка.

– А я пришла не совсем с улицы, как вы изволили выразиться.

– Девушка, ну не знаю я, когда он приедет. – С чувством произнесла секретарша.

– Я вам не девушка, а полковник Лисицына Анна Михайловна и ваша обязанность – знать расписание начальства и информировать об этом посетителей. Вы на госслужбе. – Чётко разделяя слова, проговорила Лисицына.

Девушка кинула быстрый взгляд куда-то за плечо Анны и кратко улыбнувшись встала. Анна, даже не оборачиваясь, по одному движению глаз всё поняла, и о том, кто пришёл и что значило это мимолетное выражение на лице юной девушки.

– Ну надо же, целый полковник к нам в гости пришёл. – Приветственно раскрыл объятия генерал Помятин. – Света, организуй нам кофейка и никого ко мне не пускай. – Проговорил он, обнимая Анну. – Привет, Анна Михайловна, проходи в мой кабинет.

Несмотря на помпезную приёмную, кабинет был простой, скучный и даже чересчур деловой.

– Что смотришь? Мне вся эта красота при входе от предшественника досталась. А я не люблю, я здесь служу, а не дизайном хвастаюсь. Приказал всё убрать, одних ваз штук десять выгребли. – Он досадливо рубанул рукой воздух и пригласил Аню присесть напротив. – Аня, я так рад тебя видеть. Но ты раньше как-то тоньше была. – Весело играя глазами, проговорил он.

– Спасибо, Николай Иванович. – Усмехнулась Лисицына. – Ну, полковничьи погоны имеют определённый вес и нужно иметь достаточно массы, чтобы их носить.

– Язва! Хочешь сказать, что мои генеральские тоже меня обязывают?

– Хочу сказать, что вы в прекрасной форме. – Анна выдохнула. – Но женская природа с гормональным фоном иногда плюют на должности, погоны и всю остальную атрибутику. Просто всё остаётся как есть, несмотря на все усилия. – Слукавила Анна, потому что спортивного зала она чуралась как огня.

– Анечка, я тебя сколько лет не видел?

Общие воспоминания, перечисления многочисленных детей и внуков генерала, фотографии Кирилла... всё вплеталось в неспешную беседу, пока наконец генерал не глянул на неё с улыбкой и не спросил:

– Ладно, мне скоро в министерство. Какое у тебя ко мне дело?

– Самое подлое. Я хочу подсидеть своего начальника и прошу у вас его место. У меня есть на это веские основания. – Лисицина даже сама не думала, что так легко выдаст ту самую правду, с которой пришла.

Когда она закончила длинный рассказ о последних перипетиях, то генерал ещё несколько минут молча сидел в кресле, а потом тяжело выдохнул.

– Аня, ты понимаешь, что сейчас не только твой отдел под прицелом. Ты понимаешь, что какой-то говнюк бросил вызов всей системе?! Не только вашему отделу.

– Конечно. – Лисицына развела руками. – И мы его поймем. Просто никто не должен мешать. – Анна немного помолчала. – Я бы никогда не пришла, но Копоткин уже замучил всех, к тому же он требует, чтобы уволили Польскую, а это нереально.

Николай Иванович молча встал, заложил руки за спину и немного походил взад-вперёд. Мужчина задержался у окна и покачал головой.

– Аня, я сейчас скажу обидные для тебя вещи, но я не могу тебя поставить во главе этого отдела. Ты прекрасный аналитик, ты умище и талантище, но я прекрасно знаю, что вместо того, чтобы сидеть в кабинете, ты будешь скакать по местам происшествий, выезжать на трупы и бегать с шашкой наголо. – Помятин поднял руку, останавливая Анины возражения. – Но также я прекрасно понимаю, что Копоткин – это не вариант. Я его неплохо знаю и поверь, вот ему в бумагомарательстве и администрировании равных нет. Давай так, я сейчас посмотрю, что можно сделать, такие вопросы в шесть секунд не решаются, и на днях тебе позвоню.

– Я могу попросить, чтобы этот разговор остался между нами? – Проговорила Анна, поднимаясь с места.

– Безусловно. – Генерал взял кисть её руки двумя руками. – Поверь мне Аня, я твою просьбу понял. Спокойно работай и жди вестей.

От генерала Анна вышла с двояким чувством, с одной стороны, ей казалось, что она сделала всё правильно, но с другой – чувствовала себя сейчас школьницей, которая не в силах справиться с проблемой и бежит к директору школы. Но сейчас Лисицына и правда не знала, что делать, под её суровой маской всегда прятались сомнения и страхи, а сейчас ей было особенно тревожно, потому что тот, кого она считала давно обезвреженным, сейчас был на свободе. И следующая мысль, которая пришла ей в голову буквально пригвоздила женщину к месту. Она стояла на тротуаре посреди людского потока, её мысли лихорадочно вились вокруг последних событий, и сейчас Лисицына всё видела с другой точки зрения.

Женщина быстро вызвала такси, набросала коллегам сообщение о том, что сегодня её не будет и уехала.

***

Визгликов уже подъезжал к дверям морга, когда увидел сообщение от Лисициной, а следом от Глаши. Он вяло поводил глазами по экрану, pokrивился и набрал номер Польской.

– Чего тебе?

– Я готова работать. – Прохрипела Глаша.

– Глафира, любое моё возражение вызовет кучу ненужных треволнений с твоей стороны. Поэтому я просто попрошу, чтобы ты долечилась, а потом будешь работать. – Сказал Визгликов.

– Стас Михайлович, я могу работать дома. Я же не прошусь с вами бегать по городу.

– Мне прям спасибо тебе хочется сказать за это. – Вздыхнул Визгликов. – Хорошо. Бери на себя сейчас дело Нефёдовых. По ниточке распутывай, заново всё перепроверь. Ты хорошо умеешь это делать, мы уже видели результат. Только давай договоримся, Глаша, – Стас помолчал, – ты не лезешь никуда. Пожалуйста.

– Я точно теперь никуда не полезу. Обещаю. – Глухо проговорила Глаша и попрощавшись повесила трубку.

– А вот в это мне слабо верится. – Визгликов свернул на парковку, втиснул огромный, сверкающий золотистыми граффити внедорожник на свободное место и вышел из машины.

– Фига себе у нас следователи теперь зарабатывают. – Присвистнул бывший коллега Визгликова, выходящий из дверей лаборатории.

– Ага. – Покивал Стас, которому в очередной раз лень было объяснять, чья это машина и как так случилось, что он на ней ездит.

Пройдя по суетливым коридорам морга, Визгликов постучал в дверь Нинель Павловны.

– Можно? – Спросил он, просунув голову.

– Нужно. – Буркнула женщина, не отрываясь от экрана монитора.

Визгликов сел напротив сердито стучащей по клавишам женщины и несколько минут выжидательно на неё смотрел.

– Стас, я не знаю пока, как это объяснить, но все трупы, которые вы нашли в склепе, – Нинель Павловна устало выдохнула и, сняв очки, потёрла переносицу, – короче, все они умерли по естественным причинам. Никаких следов насильственной смерти не обнаружено.

– Я так думаю, мне уволиться нужно. – Не меняя выражения лица, сказал Стас. – Иначе я до старости не доживу.

– Я тоже так каждый раз себе говорю. Но факт остаётся фактом. Все подробные отчёты я сделала, даже лично за своими перепроверила данные. Есть у меня несколько идей, но, – судмедэксперт покачала головой, – проверка анализов требует времени.

– Может причина хотя бы одинаковая у этой естественной смерти? – С надеждой посмотрел на неё Визгликов.

– Нет. Разные. Личности-то хоть установили? Ко мне никакие родственники на опознание не приходили.

Визгликов отрицательно покачал головой.

– Всё Нинель Павловна, как мы любим. Одни вопросы и никаких ответов. Прямо «Что? Где? Когда?», но без знатоков. – Визгликов поднялся. – Забираю отчёты?

– Да, конечно. Я подумала, если ты сам приедешь, будет быстрее. Ну и потом чтобы двести раз с одним и тем же вопросом мне не звонил. И так голова кругом. – Нинель поправила волосы. – У них, Стас, даже повреждений никаких. Гематом, разрывов кожных покровов, внутренних кровотечений, ну хоть чего-нибудь, чтобы могло указать на насильственные действия.

– Болели, может, чем-то одинаковым?

– Нет, анамнез везде разный. Стас, я сама уже голову сломала, заказала до чёрта разных дорогих анализов, некоторые нужно ждать. Найдёте родственников, нужно будет опросить. Я сама с ними пообщаюсь или Надю попрошу.

– Вы, Нинель Павловна, и так мне сотрудника до нервного срыва довели. – Походя сказал Стас, направляясь к двери.

– В смысле? – Нинель Павловна в недоумении воззрилась на него.

– Ну, Надя эта ваша замуж выходит, а Латунин работать не может, сон потерял. Ходит с кислой миной, смотреть тошно, а у нас сами знаете сколько сейчас проблем. – От дверей проговорил Визгликов.

– Ну, во-первых, твой Латунин сама нюня и растяпа. Женщины любят завоевателей, а он всё ждёт от неё каких-то решений. А во-вторых, я что-то не помню, что у меня вывеску на здании с «морга» на «брачное бюро» поменяли. Так что иди отсюда, Стас. – Она пожала плечами. – И потом, опер без страдающего сердца, это как сытый художник, он же будет хуже работать.

– Какая вы коварная женщина Нинель Павловна. Но ход ваших мыслей мне определённо нравится. – Визгликов слегка улыбнулся и развернулся, чтобы уйти.

– Об Андрее ничего не слышно? – Тихо спросила Нинель.

Стас лишь помотал головой в ответ и направился к выходу.

***

Глафира сидела на кухне, завернувшись в халат, ей отчаянно хотелось страдать, но в голове вертелись мысли о работе и никак не давали девушке прийти в нужное состояние. Глаша ещё некоторое время послушала тишину, потом набросала краткое сообщение Кириллу, обследовала недра холодильника, где заботливая мама оставила готовой еды на год вперёд и пошла в кабинет отца, чтобы взять чистые листы бумаги.

Но когда она по привычке протянула руке к старому бюро, то поняла, что здесь пусто. Вокруг вообще было пусто, родители собрали почти все вещи, и большой контейнер уже ждал своей отправки где-то в порту, и сейчас Глаша поняла, что всё происходит на самом деле. Ей почему-то немедленно захотелось позвонить матери, но она себя остановила, потому что так она сделает только хуже. Сейчас нужно было один раз сделать больно, чтобы потом всё встало на свои места и у каждого была своя жизнь.

Звук ответного сообщения от Кирилла вывел Глашу из раздумий, девушка прослушала аудиофайл и пошла в комнату собираться. Через полчаса она уже выбралась из дома и направилась к метро.

– Привет. – Подойдя к Кириллу, проговорила она.

– Привет. – Молодой человек недоумённо посмотрел на неё. – А ты что здесь делаешь?

– Ну ты же написал, что с Латуниным едешь. Вот я решила с вами. – Глаша пожалала плечами.

– Глафира. – Твёрдо сказала Кирилл. – Ты с нами не едешь. Я не могу смотреть ещё и за тобой.

– А тебе и не придётся. – Слегка улынулась девушка. – Я сама о себе позабочусь.

Бессмысленный разговор затянулся до приезда Латунина, который остановился возле них на служебной машине, нервно просигналил и стал призывно махать рукой, пока его объезжали с левой стороны пылающие гневом автомобилисты. Кирилл махнул рукой и побежал к машине, Глаша заскочила на заднее сиденье, и они покатали в сторону загорода в садоводческое общество, где предположительно был участок у родителей подруги Веселовой.

– Только вот как их там найти. – Вслух сказал Кирилл. – Эти садоводства как гигантские муравейники. Непонятно, кто где.

– А в справке из Росреестра разве нет адреса? – Проговорила Глаша.

– Может и есть, но у них нет никакой загородной собственности. По крайней мере, на них ничего не оформлено.

– Неужели в школе или в опеке номеров родственников нет? – Спросила Глаша.

– Была там бабушка со стороны матери, но умерла полгода назад. – Кирилл поморщился. – Можешь не спрашивать, не было на ней загородной собственности. У них если участок просто по членской книжке оформлен, то мы его никогда не найдём через официальные источники. Нужно только на месте. – Кирилл покопался в телефоне. – Вот одна из женщин во дворе сказала, что у них точно есть дача, однажды мать Юли рассказывала, как у них крышу сорвало. Короче, упомянула. Примерный адрес соседка сказала. Ну и дом у них голубого цвета с белой отделкой.

– Да они могли и квартиру снять. – Проговорил Латунин.

– Не думаю. Все в федеральном розыске, ребёнок запуган, может в любой момент дать сбой, и тогда окружающие обратят внимание. Им нужен кто-то неприметный. Семья Юли идеально подходит. – Ответила Глафира. – Да и новые люди в помощниках, это дополнительные траты и внимание со стороны, а если учесть, о каких деньгах идёт речь, то я не уверена, что Веселова будет рисковать. И потом её мышление довольно линейно, она агрессивна и не умеет договариваться. Схватила, угрожает, заставляет... она идёт путём насилия. Эта понятная для Веселовой схема. Она так выросла, в таком кругу общалась.

Через час машина въехала на территорию садоводческого товарищества, и люди, ехавшие на поиски дачи, сразу загрустили. Огромная территория была испещрена квадратами земельных наделов, везде были натканы дома всех цветов радуги и немыслимое количество дачников трудились на грядках и сновало по дороге.

– Какие-нибудь дельные мысли есть?

– Да. – Сказала Глаша. – Нужно найти местный магазин. Если они здесь сидят, то наверняка их не отпустят в город за покупками. Народу много, значит, и продуктов нужно много. Можно попробовать с этой стороны зайти. – Глаша открыла дверь и подбежала к остановке, где толпились люди в ожидании автобуса и через несколько минут вернулась. – Здесь три магазина. Поехали, первый прямо по дороге.

В первых двух торговых точках ничего примечательного не было, а в третьем маленьком магазинчике, торчавшем на отшибе и напрочь пропахшем подгнившими овощами, толпилась небольшая очередь. Люди медленно тянулись к прилавку, Глаша рассматривала товары, прислушивалась к разговорам и смотрела по сторонам.

– Тётя Клава, – сказала дородная продавщица женщине, стоявшей перед Глафирой, – Рыбаковым скажите, чтоб долг занесли. У меня завтра учёт. Я уж ругалась, они второй раз должны. Вот хоть пятьдесят рублей, но останутся.

– Я им не указчица. Они не показываются уж третий день. С вечера вроде как были, а днём следующим уже никого. – Проговорила женщина, поправляя панамку. – Дай мне конфет полкило. Лариска хотела вечером зайти чаю выпить и сплетни на хвосте принести.

Глаша быстро вышла из очереди, подошла к Кириллу, стоящему на улице.

– У наших фамилия Рыбаковы?

– Нет. Мельниковы. – Покачал головой Кирилл. – А что?

– Да думала про них речь. – Махнула рукой Глафира.

Девушка вернулась в магазин, подождала, пока очередь рассосётся и подошла к продавщице.

– Здравствуйте. – Глаша мазнула глазами по тетради, где записывали долги дачников и увидела, что фамилия Рыбаковы и стоящая напротив сумма зачёркнуты. – А почему вы Рыбаковых зачеркнули?

– Так соседка долг вернула. – Пожала плечами продавщица. – А вам-то что за дело? Да и не Рыбаковы они давно, там мать раньше жила. А дочка на мужненой фамилии. Мельниковы. – Машинально продолжила женщина.

Глафира вылетела из магазина и, тараща глаза, стала показывать на дорогу.

– Бабка, бабка в панамке куда пошла. – быстро проговорила она.

– Туда. – Ткнул пальцем в сторону боковой дорожки подошедший Латунин. – А что?

– Мельниковы её соседи. Что будем делать? – Нервно перебирая руками, спросила Глафира.

– Светиться нельзя. Я звоню Визгликову, ждём группу. – Проговорил Кирилл.

– Но она сказала, что они три дня не показываются. Значит, что-то случилось. – Глаша бросила взгляд на подъехавшую на велосипеде девушку. – Если я подъеду к соседке на велике, то не вызову подозрений. – Девушка двинулась в сторону входа магазина. – Дальше по ситуации. Хозяйке велосипеда скажите, что скоро вернём. Сейчас приеду. – Проговорила Глаша и вскочила в седло, прежде чем Кирилл и Латунин успели опомниться.

– Я ненавижу Польскую. – Сквозь зубы прошипел оперативник.

– Солидарен. – С бессильной злобой сказал Кирилл.

Глаша остановилась возле голубого дома с белой отделкой, огляделась по сторонам и заметила в палисаднике соседнего участка женщину из магазина.

– Простите! – Глаша приветственно замахала руками. – Это же вы сейчас в магазине были?

– Ну и? – Недовольно поморщилась собеседница.

– Вы вместо пятисот рублей, пятьдесят забрали. Меня попросили съездить к вам. – Для убедительности Глаша вынула деньги из кармана.

– Ой, как же я так. – Всплеснула руками пожилая дама. – Ну, давай сюда.

– Слушайте, а Мельниковы когда придут?

– Так были. Наверное, уехали. Правда с вечера были. Потом я днём только проснулась, ночью несколько раз вставала, что-то гремело. Так смотрю нет их. Да и странные они какие-то. Раньше-то приветливые были, а сейчас смурные и недовольные. Наверное, денег заработали. – Посетовала женщина.

– Почему? – Спросила Глаша.

– Да, эти все, кто денег зарабатывает, вечно чем-то недовольны. Потерять, наверное, боятся. – В каркающем смехе зашлась женщина.

Глаша слезла с велосипеда, отошла на метр и, позвонив Латунину, объяснила, как подойти к дому с задней стороны, чтобы их не заметили. Но уже сейчас девушке казалось, что можно смело входить через парадный вход. Глафира разговаривала, взгляд её бродил по соседнему двору, и вдруг она чётко увидела жирный кровавый отпечаток на стене сарая.

– Рома, я боюсь, там всё плохо. Вижу следы крови. – Глаша обернулась на бабуку, кивнула ей и проговорила. – В дом уходите, пожалуйста.

– Чего?

– Следственный комитет. В дом уходите. – Тихо рявкнула Глафира.

По дорожке к ней уже ехали Латунин и Кирилл. Оперативник первый вошёл во двор, двинулся к сараю, где на стене рдел смазанный след чьей-то пятерни. Кирилл двинулся в дом, а Глаша зашла с бокового входа на веранду. Отсюда хорошо просматривалось внутреннее пространство, перечёркнутое телами двух взрослых и одного ребёнка.

Позже, уже когда все подъездные дороги были забиты спецтранспортом и экипажами ППС, Глаша сидела за столом, заполняла бланки под Надину диктовку и даже вздрогнула, когда залетел Визгликов.

– Польская, что ты липнешь к каждому делу, как банный лист к жопе? – Зарычал он.

– Потому что несколько дней назад здесь зарезали ребёнка и его родителей. – Глухо проговорила Глафира. – И если бы мы с вами не разводили балаган вокруг моей безопасности, а работали, то может быть ничего этого и не случилось.

В комнату вошёл хмурающийся Казаков, он скорбно осмотрел тела и, остановившись на пороге, сказал:

– Есть новости, если можно так сказать, хорошие. На стене сарая довольно чёткий след, я снял отпечатки. Закончу здесь и поеду сразу посмотрю, вдруг найдём чьи.

Глава 3

Стас вышел во двор, посмотрел на чертящий сумерками горизонт и облегчённо вздохнул, когда увидел, как, переваливаясь с кочки на кочку, по дороге медленно движется машина, присланная моргом. Через несколько минут водитель притормозил возле калитки, Погорелов побежал к воротам, чтобы дать машине возможность въехать во двор. Визгликов глянул на время, спустился по ступенькам навстречу двух мужчинам с недельной синевой на подбородках и походя спросил:

– Чё долго-то так?

– А вы за неделю заказы оставляйте, мы вовремя приезжать и будем. – в тон ему буркнул один из санитаров и мрачно протопал в дом.

– Не серчай, начальник. – останавливаясь возле лестницы и закуривая, проговорил другой. – Летом и так возить быстро нужно, а сегодня все, как сговорились помирать. И все несвежие, прям беда. – он глубоко затянулся папиросой и продолжил. – Давеча дедка одного везли, так он две недели в запертой комнате пролежал. Ладно бы квартирка отдельная, так нет – коммуналка! Во люди.

Стас покивал, прервал на полуслове увлекательный рассказ из жизни санитаров и крикнул Погорелову:

– Серёга, иди сюда.

– Чего? – отозвался оперативник.

– Лебедевка недалеко, поехали на дачу к этой даме. Позвони ей, чтобы домой ехала, мы с тобой где-то через часа полтора сможем там быть. – Проговорил Стас, глядя на приближающегося криминалиста.

– Ты чего такой грустный? – спросил Казаков, ставя на колоду для рубки дров свой чемодан.

– Да что-то особенных поводов для радости нет. – пожал плечами Визгликов. – И мне не очень нравится картинный отпечаток. Только в кино оттиск руки бывает таким чётким и жирным и при этом смачно смоченным в крови жертв.

– Согласен с тобой. – Казаков развёл руками. – Может быть, это сделано для того, чтобы мы точно обратили внимание и не прошли мимо?

– Я тоже об этом подумал, но... – начал было Стас.

– Но выводы будем делать после того, как я до места доеду и посмотрю принадлежность этого отпечатка. Может, кого и найду. Вот тогда и будет ясно.

– Юра, не смей меня и не обнадёживай этим словом «ясно». – Визгликов соорудил скорбную гримасу.

– Ладно, нужно сначала первоначальные улики обработать. Но, скорее всего, это будет завтра, сегодня уже по домам пора.

– Кому как. – вздохнул Визгликов. – Нам с Погореловым ещё к заявительнице ехать. Она вроде как имеет какой-то отношение к владельцу склепа. – выпалил Стас и застыл. – У меня скоро голова лопнет от всех этих «ясностей». – Стас повернулся, чтобы идти на выход, но обернулся к Казакову, – Юра, я тебя просто умоляю, посмотри, чтобы эта ненормальная до города добралась без приключений.

– Это ты про Глашу, что ли? – спросил криминалист.

– Ты, как всегда, прозорлив. – скривил губы Визгликов. – Она ж дня не может прожить, чтобы во что-нибудь не вляпаться или труп не найти. И за что мне такая карма. – развёл руками Стас и проревел на весь двор. – Погорелов, ну ты где? Мы к утру в эту Лебедевку поедем, что ли?

Казаков поискал по двору Глашу, нашёл девушку внутри дома, где она заканчивала заполнять бумаги и ещё раз перечитывала написанное.

– Глаша, вы же сюда на машине приехали?

– Ага, – девушка покивала, не отрываясь от бумаг. – Но Латунин с Кириллом уже уехали в отдел.

– Давай тогда со мной, там машина ждёт.

– Мне доделать нужно. – Глафира отрицательно помотала головой.

– Глаша! – Казаков чуть повысил голос. – Ты одна здесь хочешь ночью доделывать? Все уже разъехались. Участковый ждёт, чтобы дом опечатать.

Девушка встрепелась, оглядела опустевшее пространство и, помотав головой, встала:

– Что-то я заработалась.

– Это уже все заметили. На месте начальства я бы тебя уже к психологу отправил. – мужчина выжидательно смотрел на неё, держась за ручку рабочего чемоданчика обеими ладонями.

– Берите выше, у меня теперь знакомый психиатр есть. – скорчив гримасу, сказала Глаша и стала собирать бумаги со стола.

– Поехали. – вздохнул Казаков и развернулся, чтобы выйти.

На улице уже было свежо, со стороны реки, невидимой отсюда из-за густо насаженных домов, подуло ветром. Из-за леса, торчавшего неподалёку, вывалились синие облака и стало понятно, что скоро будет дождь. Глаша наконец собралась, вышла за порог и устало огляделась: ей почему-то стало зябко, хотя дневное тепло всё ещё плавало внутри двора. Ещё три человеческие жизни попали под каток с названием Маргарита Веселова, но они пока что даже на шаг не продвинулись в направлении поимки бандитов и спасении Ани. Хотя сегодня оперативники, Визгликов и сама Глаша опросили чуть ли не половину посёлка, но кроме обычных ответов «ничего не видел и не знаю» и абсурдных типа «они ходили с красными рожами и топорами через плечо» ничего не выяснили.

Семья приехала как обычно, машину загнали во двор, потом вошли в дом и выходили только в магазин. Преступники, скорее всего, попадали на дачу через калитку, примыкающую к лесу.

– На чём поедет-то? – спросила Глаша у Казакова и кивнула на прощанье участковому, тихо костившему матерными словами лоскут бумаги, полощущийся на ветру и не желавший клеиться к пористой поверхности дерева.

– Нива за забором стоит. – отозвался Юра, скрипнув петлями калитки. – Глаша, ну не копайся, ехать пора. – Казаков скорбно сдвинул брови и кинул взгляд на бесконечный ряд сообщений, которые ему ежесекундно пересылала Раиса. – Может, к бабушке сразу поедет? Ребята отвезут. Там Раечка наготовила, как на роту.

– Поехали. – вздохнула Глафира. – Домой появляться нет никакого желания.

Глафира подумала, что недолгий путь до их дачи даст возможность поговорить с Казаковым на предмет захвата его жилплощади. Раз уж квартира всё равно простаивает, а сам он обосновался с тётей Раей на их даче.

– Ты почему родителям про Илью не сказала? – Спросил Казаков, устраиваясь на заднем сиденье рядом с Глашей.

– Ну вы уже должны были неплохо изучить мою маму. Она же насадка. Если бы она такое услышала, то, я думаю, увезла бы меня с собой в багаже или сама осталась. А не один из этих вариантов меня не устраивает. Так что пусть уж лучше она думает, что её дочь неблагодарная свинья, чем будет в курсе событий.

– А жить ты где собираешься? – криминалист перевёл на неё взгляд.

– Не знаю. – Глаша пожала плечами. – Сейчас комнату какую-нибудь сниму.

Казаков покачал головой, вздохнул и полез в карман.

– Вот тебе ключи от моей квартиры. – он протянул ей связку. – Мы летом с Раечкой на даче будем жить. До сентября можешь распоряжаться, а там посмотрим. Заезжать можешь, как считаешь нужным, я уже неделю, как на дачу переехал.

– Спасибо. – Глаша благодарно покивала и уставилась в окно.

Одной проблемой было меньше, даже двумя. Во-первых, есть жильё, во-вторых – не нужно каждый день плясать на окна Ильи. И сейчас можно было сосредоточиться только на работе. Девушка открыла протоколы опросов и в одном из них наткнулась на интересную деталь.

– Нужно машину в розыск срочно объявлять. – вслух сказала Глафира.

– Она же во дворе у них стоит. – удивился Казаков.

– Да, но одна из соседок обмолвилась, что у семьи две машины. – Глаша быстро набрала номер Латунина. – Привет, у семьи было две машины. Конечно, не факт, что одна в городе не осталась, но, учитывая сколько было народу, скорее всего, ехали на двух машинах. И наверняка вторую девочку везли в другой машине. Я никак понять не могла, почему они не остановились по дороге, не подъехали к посту ДПС. Да куча вариантов была. – девушка ещё раз пробежалась по записям. – Женщина сказала, что вторая машина старенькая была, и они редко ей пользовались. Седан, цвет белый. Поищи, что там на них числится ещё.

***

День догорал в ленивом мареве летнего зноя, просачивающегося сквозь несколько дней непогоды. Люди на улицах ловили тепло максимально открытыми телами, и в свете наступающего вечера это смотрелось несколько карикатурно и гротескно. Лисицына вывалилась из метро, искала глазами какую-нибудь точку общепита, где можно было перехватить кофе и рогалик и упёрлась глазами в сверкающие витрины пекарни.

– Отлично. – пробормотала женщина и, набрав нужный номер, поспешила к спасительному островку с едой. – Алё, да я уже возле метро. Мне к вам подходить или здесь встретимся? – и согласно покивав в ответ на слова собеседника, Анна потянула на себя дверь кофейни.

Внутри было малоллюдно, пахло хорошим кофе, на витрине поблёскивали разнообразные и разноцветные сладости. Лисицына погрузилась возле стенда с яркими пирожными, несколько секунд подумала и решила, что всё-таки у неё очень нервная работа, которая позволяет изредка побаловать себя мучным, сладким и калорийным десертом.

– Девушка, а можно мне латте и эклер с манго и маракуйей. – Анна достала карточку для оплаты и вдруг услышала мужской голос.

– Барышня, мне всё то же самое и за эту девушку я заплачу.

Лисицына обернулась и улыбнулась, перед ней стоял её бывший преподаватель, Соболев Владимир Иванович.

– Рада встрече! – проговорила женщина. – И спасибо, что смогли уделить мне время.

– Что ты Анечка, сейчас лето, и я только рад хоть ненадолго вырваться из душного кабинета. У нас, видимо, на краске сэкономили, и по коридорам после недавнего ремонта всё ещё плывут отголоски запахов. Голова прямо раскалывается.

– А вас что не пересилили? Как же можно в таких условиях?

– Анечка, я сам не захотел. Ты представляешь, сколько всего мне нужно переносить. Книги, записи, тетради, коллекция, – мужчина вздохнул, – учебные макеты. Да половина растеряется по дороге. Потерплю, принохался уже. – он улыбнулся.

– Коллекция? – Лисицына вскинула брови.

– Пустое, Аня, – он махнул рукой, – чтобы отвлечься стал собирать интересные случаи из практик моих коллег. Делаю вырезки, пишу своё мнение. Может, потом книгу издам.

– Владимир Иванович, я к вам по своему делу. – Лисицына дёрнула щекой.

После нападения она долгое время не могла вернуться к работе. Ивзяться за её психологическое восстановление предложил Соболев, который случайно узнал, что с ней произошло. Сначала Лисицына отказывалась, но после нескольких бесед согласилась, и так возникла некая дружба, не только как учителя и ученицы, но и как врача с пациенткой. Лисицына прекрасно понимала, что для неё пережитый кошмар не прошёл бесследно, и Соболев стал крепкой опорой.

– Что Анечка, опять кошмары? – спросил мужчина, подождав, пока девушка расставит высокие стаканы с кофе и тарелки с лимонно-жёлтыми пирожными и отойдёт.

– Нет. Здесь другое, – Лисицына помолчала, разболтала в молочном кофе сахар и, поковырявшись вилкой в пирожном, произнесла, – я не так давно ездила в «Полярную сову».

– Аня, – чуть не крикнул Соболев, – Аня, прости, но ты делаешь не совсем разумные поступки. Ты ещё не окрепла духом, чтобы встречаться с ним лицом к лицу.

– В том-то и дело, Владимир Иванович, что там не он. – она покачала головой.

– Как так?

– Я же говорила, что в какой-то момент я разглядела, что их было двое. Я, конечно, сомневалась, но сейчас чётко осознала, что в тюрьме его поделщик. А он на свободе. – Лисицына помолчала. – И сейчас я понимаю, что с первого дня мы шли по ложному пути. Всё, что происходит, направлено не на Визгликова. – она подняла глаза на Соболева. – Всё это направлено на меня!

Владимир Иванович долго смотрел на женщину, потом покачал головой и проговорил:

– Аня, ты сейчас, скорее всего, ошибаешься. Есть такой синдром, – Соболев задумался, – не буду тебя перегружать терминами, но в твоём случае может быть размытие временных границ. То есть напряжённый график и драматизм происходящего, а также, что немаловажно, – он сделала паузу, чтобы Анна обратила на него всё своё внимание, – присутствие в отделе молодой сотрудницы, которая чем-то напоминает тебя, всё это могло сказаться на твоём восприятии. Ты должна хорошо подумать, а не занимаешь ли ты сейчас подменой.

– Нет, Владимир Иванович. Меня сегодня просто осенило! Я почти на сто процентов уверена, что он ещё на свободе.

– Аня, ты понимаешь, что в этом случае ты была жертвой. – Он пожал плечами. – Я конечно, не профи в вашей юриспруденции, но мне кажется, что в этом случае ты не можешь руководить расследованием и участвовать в нём.

– В этом-то и дело. – Лисицына покачала головой, устало протёрла рукой лицо. – Я просто в тупике. Выйти из расследования я тоже не могу, это одно из условий.

– В смысле? – удивился Соболев.

– Ах да, – Аня вздохнула, – очень много подводных камней. Владимир Иванович, не могу сейчас всего рассказать, реально очень сложное дело. Я собственно даже не совсем понимаю, зачем я вам позвонила, видимо, просто нужно выговориться.

– А я тебе сразу сказал, рано отменять сеансы. – покачал головой Соболев. – А ты вон даже сотрудницу ко мне молодую отправила.

– Так ей учиться нужно. Она тоже уже хлебнула своего. – вздохнула Лисицына.

– Аня, может на препараты вернуться? – Владимир Иванович махнул продавщице, показывая, чтобы та приготовила ещё чашечку кофе.

– Не знаю. Я так хочу всё забыть. – Лисицына покачала головой.

– Аня, это событие в твоей жизни было, и ты никогда его не забудешь, ты можешь только поменять к нему отношение. И я бы рекомендовал вернуться на препараты. Давай подумаю, что тебе выписать и на днях встретимся.

– Хорошо, Владимир Иванович. Но я просто уверена, что права.

– Значит, ты тогда спокойно разложишь всё по полочкам. Фармакология в твоём случае – это помощник. Не пойму, чего ты так пугаешься.

– Да голова всё время тяжёлая была, агрессия нарастала. – Аня дёрнула головой.

– Нет, это ты видела всего лишь тихие всплески отголосков твоего стресса. Без таблеток, Аня, всё было бы гораздо хуже.

Попрощавшись с Соболевым, Анна Михайловна сидела в кафе и смотрела, как за окном проходят люди. Впервые в жизни Лисицыной было тошно оттого, что она занимается тем, чем занимается. Даже после нападения, больницы и длительного периода восстановления Аня не жалела о сделанном выборе, а сегодня ей на душе было слякотно. После разговора с Соболевым в ней всё-таки проклюнулось сомнение, что она надумывает и просто снова гонится за тем, кто никогда до неё не доберётся, потому что жизнь его пройдёт и заглохнет в далёком холодном краю, в тюремной камере.

Но сейчас Лисицына подумала, что ей необходимо быть абсолютно уверенной в том, что он за решёткой! Иначе она никогда не обретёт покой. А это значит, что она проиграла, потому что навсегда останется с одними вопросами в темнице своей души.

***

Визгликов с Погореловым вышли из электрички, огляделись и, поспрашивав спешащих по домам местных жителей, пошли в сторону скрывающихся во тьме неровных поселковых улиц. Стас поминутно чертыхался, наступая в лужи, невидимые в тусклом свете редких фонарей.

– Такое впечатление, что здесь каменный век. – шипел мужчина. – Куда нам дальше?

Погорелов пожал плечами и, покрутив головой, произнёс:

– Она сказала, чтобы от станции дошли до дома с красной крышей и дальше вдоль коричневого железного забора.

Визгликов посмотрел на оперативника с нескрываемым презрением и выдавил из себя:

– Не буди во мне зверя. Ночью все кошки серы, где ты в этой темноте собрался крыши искать и по цвету их отличать? – всплеснул он руками, сделал шаг в сторону и постучал согнутым пальцем по ребристой поверхности забора, тянувшегося вдоль грунтовок. На глухой металлический звук сразу отозвались лаем несколько собак, им ответили собраты в соседних домах и через секунду хвостатые со всего посёлка дружно орали из-за выходки Визгликова. – Во как работают, – тихо сказал следователь, – не в пример нам. Серёжа, ну не тупи, позвони ты ей наконец.

Через несколько минут Стас и Погорелов добрались до небольшого двора, внутри которого горели окна дачного дома. Навстречу им со ступенек скатилась женщина и поспешила открыть калитку, кутаясь в шаль.

– Ну где вы так долго ходите, мне ж на работу завтра вставать. – проворчала она, скрипя замком.

– Ну, извините. – в тон ей ответил Визгликов.

– Да чего уж там, – махнула рукой женщина, не реагируя на сарказм, – проходите, я чайник вскипятила. Может, щец хотите? – она оглянулась на мужчин. – А то я второго дня как сварила, по привычке. А есть-то вроде как некому.

– Щи – это прекрасно, – покачал головой Визгликов, – но сначала давайте о деле поговорим.

Хозяйка распахнула дверь, изнутри дома поплыл уютный аромат щей, Визгликов покачал головой и проговорил.

– Я думаю, ваши великолепные щи никак не помешают разговору.

– Вот и хорошо, а то, как всегда, цельную кастрюлю сготовила, а куда девать теперь – не знаю. Когда мой-то вернётся. – она скорчила слезливую гримасу и приложила уголок шали к глазам. – Я ж не молодая уже, понимаю. И разные мы с ним совсем. – говорила она, показывая где снять обувь и вынимая тарелки из старенького буфета. – Ну, если б он вот просто не пришёл

с работы, скажем, я б ещё подумала, что к другой ушёл. Ну, знаете, как мужики к бабам молодым уходят от нас таких вот потасканных жизнью? – она вопросительно посмотрела на Стаса.

– Нет, – честно ответил Визгликов, – не знаю.

– Вот и я говорю, – переливая половником наваристую гущу супа в маленький ковшик, сетовала женщина, – но ведь он меня в машине ждал. Я за хлебом вышла, а вернулась – его нет. Ну вот так бы к молодой, наверное, не ушёл? – Она снова посмотрела на Стаса, потом достала из хлебницы буханку чёрного и стала резать большими кусками. – Или, думаете, ушёл бы?

– А давайте для ясности ситуации вы нам расскажете всё с самого начала. – Благодарно принимая из рук женщины тарелку, сказал Стас.

– С какого начала? – недоумённо уставилась на него хозяйка.

– Во-первых, подробно ещё раз расскажите, что случилось. – Стас показал на щи и поднял большой палец. – Суп отменный.

Женщина налила себе в большую чашку чай, присела напротив и долго пересказывала во всех подробностях события того вечера, когда пропал её сожитель.

– Скажите, а вы официально женаты с Петром? – глянул на неё Погорелов.

– Ну что людей-то смешить, – она махнула на него рукой, – ты мне ещё предложи фату приспособить к голове. Нет, конечно. Ну и потом, не уверенная я была, что надолго всё. Вот здесь всегда жало, – она приложила ладонь к груди. – Он и моложе и денежки у него водятся и хорошо образованный. А тут я нарисовалась. – Лидия покачала головой. – Нет, не женились.

– Лидия, а скажите, вы в курсе, что у Петра есть склеп? – Стас глянул на женщину.

Лидия несколько секунд смотрела на него, не сводя глаз, а потом проговорила:

– Чего у него есть?

– Склеп. – повторил Визгликов.

– Нет, я слова-то с первого раза понимаю, не совсем дура. Но я как-то смысл не могу уловить. – Лидия машинально собрала пустые тарелки, но осталась сидеть на месте, глядя на Стаса.

– Мы нашли документы, в которых говорится, что вашему сожителю принадлежит склеп на Северном кладбище.

– Господи прости, – женщина размашисто перекрестилась, – а на кой ляд он ему сдался?

– Он его не вчера построил, – терпеливо объяснил Стас, – склеп очень старый, принадлежал его семье много веков.

– Лучше б у него дача была, вместо склепа, – вздохнула женщина. – Ничего об этом не знаю, он мне не говорил. – Она покачала головой. – А вы его как искать-то будете?

– Петра? – на всякий случай уточнил Визгликов.

– Ну склеп, я полагаю, вы уже нашли, – недовольно заметила женщина, – и так понимаю, что если б не нужен вам Петя до зарезу был, фиг бы вы сюда приехали из Питера.

– Разубеждать вас не буду, но обнаружение Петра сейчас приоритетное дело.

– Чаю хотите? – она глянула на часы. – А вы на электричке же приехали?

Погорелов согласно кивнул, помогая убраться со стола и принимая из рук женщины тарелку с печеньем.

– Так на последнюю в обратку уже опоздали. – она покачала головой.

– Ну ничего, сейчас товарищ Погорелов побеспокоит районных коллег и настойчиво попросит отвезти нас домой, – с нажимом сказал Визгликов, – а то мне не улыбается в такую даль кататься на такси свидетелей опрашивать. Я столько не зарабатываю. – Визгликов подвинул к себе чашку с чаем. – А вы как с Петром познакомились?

– Да, глупо. – Она махнула рукой. – Стыдно сказать. Подруженица моя, сделала себе анкету на сайте, ну там, где знакомятся. Вроде как на доску объявлений себя повесила, мол есть свободная, – женщина вдруг немного покраснела и запнулась на последнем слове, – ну короче, что свободная она.

– Ну я понял, – покивал Визгликов.

– Ну и Петя ей написал. Он искал женщину для прогулок, для походов в музеи и так далее. Она, моя-то невеста на выданье, приболевши была, когда он ей свиданку назначил. Ну я попёрлась. Мне, конечно, музеи и выставки до фени, но Зоя если прицепилась, то как лишай: фиг отцепишь. Я пошла, ну там, с Петей и познакомились. Он, вроде как судьба, говорит, а я считаю – идиотизм. —она вдруг резко замолчала. – Слушай, а может и правда к молодой сбежал. – Лида задумчиво покивала головой.

– А вы в курсе на каком сайте он размещал свою анкету?

– Не, я этим не балуюсь. И потом, зачем мне? Мужик у меня появился, а я верная. – женщина макнула печенье в банку с джемом. – Подруга знает, она до сих пор там висит.

– Значит, Лида, вы должны будете нам помочь, – сказал Стас, – в первую очередь спросите про сайт, ну а во вторую, нам нужно посмотреть на квартиру Петра. Не против?

– Нет, конечно. – она вздохнула. – Завтра пораньше в город рвану и открою квартиру. Пойдёт?

– Безусловно. – согласился Визгликов.

***

На следующее утро Латунин сидел на скамейке возле морга, в руках он мял, уже казавшийся ему неуместным, букетик и всё время возвращался к одной и той же мысли. Так он провёл последние полчаса, но не решил самую сложную для себя задачу: как ему поступить с Надей. Отступить или добиваться. Когда он думал уйти с любовной дистанции, то под ногами разверзалась бездна отчаяния, и в лицо дул ледяной ветер тоски и одиночества. Когда решал, что будет во что бы то ни стало бороться до конца, то ему представлялось, как будет страдать Надя.

– Зажигалку дай. – к нему подседа Нинель Павловна.

– Здрасьте. – уронил Латунин и полез в карман.

– Мордасти. – передразнила его женщина.

– Ой, Нинель Павловна, вот реально не до шуток. —тяжело вздохнул оперативник.

– Не, в мирное время всегда до шуток. Особенно на такой сволочной работе как у нас, а то можно повредиться и сдвинуть своё сознание. – женщина устало откинулась на спинку скамейки и проговорила. – Чувствую, я нашла себе развлечение.

По дорожке в их сторону проворно двигался жених Нади, он увидел Нинель Павловну и остановился возле неё.

– Здрасьте. Вы Надю видели?

– Мордасти. Видела. – глубоко затягиваясь сигаретным дымом, сказала женщина.

– А где она?

– Я её в принципе видела. – спокойно отреагировала женщина.

– Всё шутите. – поморщился мужчина.

– Я шучу редко. Работа у меня такая, что публика не особо расположена к юмору. А вы молодой человек потрудитесь вопросы ставить правильно, чтобы получать нужные ответы. – Нинель повернула голову к Латунину. – Кстати, я кое-что нашла. Пошли в кабинет, я подробно расскажу. – она встала и глянула на мнущегося рядом жениха. – Надя ещё на работе. Здесь не дом свиданий, так что всего доброго.

– Да, она трубку не брала, я хотел сказать, что я в командировку поехал и ключи от квартиры принёс. Передадите? – он вынул из кармана связку.

– Конечно. Я же за этим сюда вытащилась в разгар рабочего дня. – поджав губы, Нинель протянула руку за ключами.

Не попрощавшись, молодой человек развернулся и бодро поскакал в сторону своего автомобиля.

– Не, Рома, он тебе не соперник. – цыкнула Нинель, провожая взглядом нервно бегущего жениха Нади.

– Очень бы хотелось на это надеяться. – Латунин глянул на Нинель. – А Надю видеть всем нельзя или только ему?

– Работникам следственного комитета допуск в морг и общение с сотрудниками не запрещён. – Смотря прямо перед собой, сказала Нинель. – Погоди, Рома, я чувствую, что я ещё хочу здесь посидеть на воздухе. Так что слушай. Мне пришли некоторые анализы тел из склепа, я пока не могу объяснить, как такое получилось, но у них у всех очень похожие результаты исследования почек.

– Интересное кино. А с чем это может быть связано?

– Рома, ты жопой слушаешь или ушами? – В сердцах воскликнула женщина. – Пока не знаю, точнее, я догадываюсь, но не уверена.

У Латунина зазвонил телефон, он быстро откликнулся, несколько секунд молча слушал собеседника, потом сунул трубку в карман и вручил Нинель Павловне цветы:

– Передайте Наде, пожалуйста, мне бежать нужно.

Заведующая моргом сидела на скамье в полном недоумении, в одной руке она держала ключи, а в другой вместе с сигаретой цветы:

– Может мне ещё и жениться на ней вместо вас, ребята. – со вздохом спросила она вслух, провожая взглядом бегущего по дороге Латунина.

***

В утреннюю тишину кабинета ворвался Погорелов, помахал Визгликову и, опрокинув стакан воды, задышавшись проговорил.

– Стас, где твой телефон? Там машину дэпсы срисовали. Ну, которая второй на семье числится.

– Телефон, – Визгликов полез в карман и удивлённо воззрился на экран, – сдох, по моему. Заряжал с ночи. Короче, говори!

– Час назад был отклик по ориентировке. Поехали, – Погорелов развернулся в двери, – Стас, быстрее, Латунин уже внизу. Опера районные сторожат машину, она во дворе стоит.

– Так, может, она там припаркована давно.

– С хрена ли?! Её вчера вечером оставили, двое взрослых и ребёнок! Соседей аккуратно допросили.

– А у вас мозгов не хватило дежурному позвонить, а не за мной сюда переться? – крикнул Визгликов.

– Мы мимо ехали. – буркнул Погорелов, скатываясь с лестницы.

Визгликов выскочил наружу, краем глаза увидел удивлённое лицо идущей Лисицыной.

– Аня Михайловна, есть совпадение по машине. На связи. Звони операм, мой сдох.

Лисицына остановилась на пороге, проводила отъезжающую машину и покачала головой.

– Если утро начинается так бодро, то что же будет дальше?

– Доброе утро. – к Лисицыной подошла Глаша. – Что случилось?

– Какое оно, к ляду, доброе? – выдохнула Анна Михайловна. – Один балаган кругом. Пошли кофе попьем и нужно структурировать дела. – Лисицына открыла дверь. – Глаша, завтра к Соболеву съезди, пожалуйста, я с ним вчера вечером встречалась. Мне нужно, чтобы он дал тебе все свои материалы по моему давнему делу.

– Меня этот ваш Соболев пугает. – Сказала Глафира, поднимаясь по лестнице за Анной Михайловной.

– Нам не всегда удаётся работать с теми, кто симпатичен. – резко ответила Лисицына.

Женщины молча вошли в кабинет. Глаша налила из бутылки воду в чайник, включила его и повернулась в Лисицыной.

– Я же не о том, Анна Михайловна. – отозвалась Глаша. – Я когда с Ильёй там сидела, – тихо добавила девушка, – я словно в вакууме была. А потом меня, как накрыло, что даже, когда закончится это дело, и мы найдём, – она вздохнула и задумалась, – этого больного человека, то я всё равно не уйду. Кому я теперь нужна со сломанной душой? – тихо обронила девушка.

– Знаешь, Глаша, – Лисицына задумчиво на неё посмотрела, – мне в такой ситуации очень помог Владимир Иванович. Он товарищ очень своеобразный, но умеет правильно выстроить вертикаль в твоей голове. Наша работа очень важна, но жизнь тоже должна оставаться, иначе от тебя ничего не останется.

***

Утренний Петербург летел за окнами автомобиля пока ещё пустыми улицами, блестел Малой Невкой, играющей мелкими волнами, утопал в зелёных островках парков. Вскоре дорога привела машину, в которой ехали Визгликов и оперативники, в спокойные оазисы спальных районов, где как раз сейчас зарождалась суeta Северной столицы. Энергичные граждане мелькали по дворам, толпами шли к метро, вели детей в садик, а собак на прогулку. Именно сейчас здесь легко было затеряться среди снующих во все стороны людей. Визгликов вышел чуть раньше из машины и вошёл в нужный двор через арку, Погорелов обошёл дом с другой стороны, а Латунин припарковался за несколько метров от нужной машины, открыл окно, развалился на сиденье и сделал вид, что кого-то ждёт.

– Ну что у вас? – спросил Погорелов у одного из местных оперативников, который откликнулся на просьбу помочь и занял позицию, чтобы не пропустить Веселову и её подельников.

– К машине никто не подходил. – сказал молодой человек. – Свезло, потому что я сам собачник, я вечером пошёл Дрею выводить и наткнулся на знакомых. Чё-то разговорились и, короче, тётки мне сказали, что они пошли в ту сторону за пустырём.

– А там что?

– Ну как везде, – пожал плечами оперативник, – дома стоят. Ну ещё промка есть.

– Понятно. Ладно, пока что здесь ждём, хотя они могут и не вернуться. – вздохнул Погорелов.

– Я своим ханурикам инфу закинул. Они, если кто чужой появится, сразу же мне сигналить начнут.

День медленно разгорался, дворы пустели, на площадках стали появляться мамы с карапузами, но к автомобилю так никто и не пришёл. Визгликов, уставший слоняться без дела, подошёл к Латунину.

– Гиблое дело, не придут, скорее всего. Да и мы здесь уже глаза намозолили. Было б время, можно было бы хоть с кем-то из квартир договориться.

– Ну, давайте я ещё посижу, а вы по делам. – проговорил Латунин.

В этот момент к машине быстрым шагом подошёл Погорелов.

– Мужики, есть информация. Сейчас в промзоне на одной из автомобильных стоянок, замечено, что в гостях у охранника одна девушка и двое мужиков. Девочки нет, но она могла не выходить. Может, и не наши, но проверить нужно!

Глава 4

Ветер лениво катал пустую пластиковую банку по рваным ранам старого асфальта, перекидывал её через глубокие трещины в покрытии, потом терял интерес, отвлекался, чтобы сдуть песок к обочине грунтовки, проходившей рядом, а потом снова возвращался к своему занятию. Вскоре банка докатилась до мусорных контейнеров, стукнулась о ботинок притаившихся здесь оперативников и остановилась. Погорелов с Латуниным сидели возле разогретых на солнце и чадивших ядрёными ароматами помойных баков уже сорок минут. Нельзя сказать, что им здесь особенно нравилось, но вокруг не было другого сносного прикрытия, чтобы они могли безопасно наблюдать за происходящим в сторожке.

– Такое впечатление, что там вообще никого нет. – тихо проговорил Рома, отмахиваясь от особенно назойливой мухи.

– Собаковод-любитель, обещал сейчас какого-то особо идейного алкаша найти, который раньше покорял сцены больших и малых театров. Он полицию и следственные органы сильно уважает, поэтому пойдёт типа проведать сторожа и глянет, что там внутри происходит. – отозвался Погорелов.

Латунин медленно перевёл на него взгляд и проговорил:

– Это тебе какое-то озарение свыше пришло или вы уже на уровне телепатии общаетесь. Я что-то не видел, чтобы ты даже телефон доставал.

– Нет, это мне опер из отдела сразу сказал. Просто у артиста как раз в это время перерыв на опохмел и найти его не всегда просто, поэтому ждём.

– А. – Латунин покивал головой. – А сразу-то чего не сказал? Я сию башку ломаю, как нам туда пробраться.

– Ничего, брейншторм ещё никому не навредил. – вяло отмахнулся Сергей.

– Что? – нахмурился Латунин.

– Рома, ты, кроме Уголовного кодекса, ещё какие-нибудь книжки читал?

Тихий шум ленивой перебранки вдруг затих, потому что оперативники увидели, как по грунтовой дороге широким шагом по направлению к стоянке идёт огромный седовласый мужик. Его сальные, чёрно-серые кудри летали вслед за ветром, полы несвежего синего плаща трепыхались позади, он был обут в рваные сандалии и опирался на ободранную, слегка косую трость. Странный субъект проследовал мимо застывших Латунина и Погорелова, еле заметно кивнул им, показывая, что он в теме и, обойдя сетчатый забор, направился напрямик к сторожке. Поднявшись на ступень, он согнутым пальцем несколько раз стукнул о рифлёное железо двери и дождавшись, когда ему откроют, распахнул объятия:

– Моё почтение, Николай Васильевич. Вот решил навестить старого друга и лично принести приглашение на банкет.

– Здорово, Натаниэль. Выйдем, у меня не прибрано. – сказал сторож и сделал шаг вперёд.

Актёр послушно спустился обратно и стал шумно расписывать прелести предстоящей вечеринки.

– Так что сам понимаешь, целый гараж в нашем распоряжении, – закончил он свою речь, – кстати, будут дамы. Танька с проходной и Лариска с продуктовой лавки.

– Не смогут Натаниэль. – скорчил горестную гримасу работник стоянки. – У меня это, – он потёр давно щетинистый подбородок, – ну, типа, гости.

– Наш щедрый стол открыт для всех! Их бери с собой.

– Не. – покачал головой собеседник. – Правда, я сегодня пас.

– Печальные речи, но не настаиваю. Ты знаешь я за полную свободу, ибо только она и имеет смысл в этом ограниченном условностями мире. – громко сказал Натаниэль и откланявшись стал удаляться.

Сторож скрылся внутри, а добровольный помощник подошёл к мусорке и стал лениво ковырять тростью в одном из баков.

– Спасибо, что попытались. – тихо сказал Погорелов. – Я понимаю, что он вас не пустил, но, может, хоть что-то заметили.

– Юноша, – отозвался актёр, – чтобы что-то заметить, не обязательно куда-то входить. Дедуктивное умозаключение – есть самый короткий путь к искомой цели. – Покачав головой, сказал мужчина. – Наш Николаша – мужчина, поверженный алкогольной болезнью, и посему у него должны быть архиважные причины отказаться от халявного пойла. Он бросил бы даже родную и больную мать на смертном одре, но не отказался бы от вечеринки. Значит, всё не просто, ему, скорее всего, угрожают путём отъёма его единственной и никчёмной жизни, которой он по какой-то причине дорожит. – Натаниэль заинтересованно остановился на каком-то объекте среди мусора и продолжил. – Кроме того, все свои и не свои денежные знаки он пропивает, поэтому у него в активе летнего варианта одежды имеется одна майка, одни портки, одни башмаки, да драные тапки. А в его жилище сейчас дополнительно стоит ещё четыре пары обуви. Две из них женские. Николашей брезгует даже Наташка с овощной базы, а она – дама неразборчивая в связях. Так что женщины там не для приятного времяпрепровождения, а исключительно вынужденно, потому что его жилище больше напоминает нужник, нежели обитель человека. Так что кроме него там ещё четыре человека. Сейчас двое мужчин спят на полу, возле окна сидит молодая дама, а напротив девочка. Желаю удачи.

Закончив свой монолог, актёр также медленно удалился, а Погорелов процедил сквозь зубы:

- Придурок, сразу не мог сказать, что там четыре человека.
  - Человеку просто не хватает свободных ушей. Чего делать будем? – спросил Латунин.
  - Не знаю. Просто так не войти, ребёнка зацепить могут.
  - Я Визгликову сообщение накидал, пусть боссы решают.
- ***

Стас молча смотрел на потрескавшийся от времени щербатый край кружки и время от времени тянул ноздрями поднимающийся от жидкого растворимого кофе горьковатый аромат. Визгликов прекрасно понимал, что сейчас Маргарита в ловушке, из сторожки им деваться некуда, но достать их оттуда, избежав расправы над Аней, было крайне сложно.

– Привет. – в кабинет, любезно предоставленный Стасу местными органами полицейской власти, вошла Лисицына, кинула сумку на стол и присела напротив Визгликова. – Что у нас?

– Всё через одно место у нас. Веселова с Аней и мужиками в сторожке, Латунин и Погорелов уже кучу времени возле мусорных баков сидят. Им даже не двинуться оттуда. В ту сторону они с пэпсами доехали, выскочили незаметно. По этому пустырю каждое утро катается патруль, так что это не могло вызвать подозрений. Как теперь туда подойти, ума не приложу. Там стоянка для списанной техники, что ли, – Визгликов раздражённо взмахнул руками, – и торчит эта сторожка посреди голого поля. Начнём шевелиться, ребёнок может пострадать.

– Да. Веселова, когда поймёт, что ей терять нечего, никого не пожалеет. Тем более Аня вызывает у неё, как я поняла, особую злость.

– Может дядю её вызвать? – проговорил Стас. – И сейчас ребята должны приволочь владельца стоянки этой.

– Нет. – Лисицына подошла к окну. – Нам пока нельзя раскрываться. Она похоже исчерпала все свои ресурсы и сейчас либо ждёт кого-то, либо напряжённо думает, что делать дальше. Непонятно, что за мужики с ней.

В коридоре послышался шум, и в кабинет шумно ввалился низенький лысоватый мужичок в мятом пиджаке, а следом за ним зашёл начальник местного полицейского отделения.

- Вот. Хозяин этой, с позволения сказать, стоянки. – мрачно проговорил мужчина.
- Я бизнесмен. – вытирая лысину платочком, огрызнулся мужчина.

– Барыга ты, а не бизнесмен. Думаешь, я не в курсе, чем ты там занимаешься? Вот подпишут мне наконец полномочия, всех вас к чёртовой матери выгоню. – зло обронил начальник.

– Скажите, пожалуйста, – ледяным тоном Анна Михайловна пресекла перепалку, – как часто вы навещаете свой объект?

– Ну не каждый день, но навещаюсь. Там делать особо нечего.

– Да, Веня, только если машину загнать номера перебить или передержать. – не унимался полицейский.

– Не доказано! – раздражённым тоном рявкнул хозяин стоянки.

– Варезку прикрой, недомерок.

– Хватит! – громко крикнула Лисицына. – Быстро, чётко и по делу. Мне не до ваших разборок. – она уставилась на Веню. – Вы на стоянку с какими-нибудь людьми приезжаете?

Начальник отделения только махнул рукой и вышел в коридор, предоставив Лисицыной и Визгликову самим во всём разбираться.

– Ну да. – протянул мужичок, пожав плечами.

– То есть если ты сейчас туда приедешь с кем-нибудь, то твой сторож не забеспокоится, его поведение не будет подозрительным?

– Нет, он скорее распахнется, потому что уже, наверное, нажрался в дугу. А что случилось-то? – вдруг нахмурился Веня.

– В сторожке у твоего сторожа сидят особо опасные преступники. С ними ребёнок, который не должен пострадать, когда мы будем их задерживать. – объяснял Визгликов, а хозяин стоянки при этом медленно оседал на стул. – И нам нужно понимать, как можно наиболее правдоподобно и не вызывая подозрений туда проникнуть.

– Я убью этого гада. – побелевшими губами промямлил Веня. – Товарищи, но вы же понимаете, что я здесь совершенно ни при чём?!

– Я понимаю, что вас сейчас беспокоит исключительно собственная безопасность. Но если вы не включитесь в процесс, то я обеспечу вам неприятности. – тихо произнесла Лисицына. – И не буду уверена, что вы ни при чём.

– Я могу с покупателем приехать. – быстро сообразил мужчина. – Я ж стоянку продаю и несколько раз приезжал. Сторож в курсе. Тогда будет повод в сторожку зайти.

– Молодец, быстро соображаешь. – похвалил его Стас. – Теперь сядь в угол и не делай лишних движений. – Стас глянул на Лисицыну. – Несколько спецназовцев точно могут на мусоровозе туда подкатить.

– Веня, а на стоянку часто привозите транспорт? – вдруг спросила Лисицына, посмотрев на сжавшегося в потный и взъерошенный комок мужчину.

– Ну раз в неделю точно. И привозим, и увозим. Что-то продаём, где-то утилизируем и везём к себе.

– Отлично. Значит, спецназ можно прямо на территорию загнать.

***

Вскоре к пыльному пятну стоянки подъехала машина директора, за ней подтянулся небольшой крытый грузовик, а с другой стороны к мусорке прикатилась старенькая «Газель» и оттуда, воровато оглядываясь, выскочили мужики в рабочих робах и стали выкидывать мешки из кузова.

Веня стоически вышел из своего автомобиля, недовольно подёргал закрытые ворота и, раздражённо хлопнув дверью калитки, понёсся к сторожке. Сохранять спокойствие и действовать по заранее оговоренному плану ему помогало обещание начальника районного полицейского управления, что в случае какого-либо провала с Вениной стороны ему больше не придётся беспокоиться о сохранности собственного бизнеса в этом районе. У него попросту ничего не останется.

– Коля, едрит твою налево, где ты шаболдаешься? Я почему должен за воротами стоять, я же тебе позвонил заранее, придурок. – Веня выжал из себя весь артистизм и смекалку и сообразил, что сейчас можно на территорию пригласить кого-то из спецназовцев, попросить помочь открыть ворота. – Эй, мужики, – он махнул рукой переодетым бойцам, сидевшим в кабине, – откройте ворота, мне станину не поднять, спина болит.

– Вениамин, ну долго ещё? – спросил Визгликов скучающим тоном, выходя из машины и направляясь на стоянку. – Я не могу ждать, пока вы все свои дела решите. Давайте я быстренько осмотрюсь, да будем думать что и как. А то у меня и другие предложения есть.

– Коля, – Веня забарабанил в дверь, дёрнул за ручку и чуть не упёрся в вывалившегося навстречу сторожа. – Коля, ты от пьянки совсем оглох, что ли?

– Я ж ни-ни. Я ж на работе. Простите, у меня тут родственники приехали, буквально на одну ночь, переночевать. Я ж не знал, что вы с гостями. Вам же в сторожку-то не надо?!

Визгликов, поднявшись по лестнице, увидел, что Маргарита сидит у окна вытянувшись как струна, как часто бьётся синяя жилка у неё на шее, и ходят желваки скул. Аня, забравшись с ногами на стул, забила в самый угол, а двое мужиков с испытанными сонными лицами хмуро смотрели на вошедших и расхаживали по комнате.

– Ну, я быстро гляну внутри, – сказал Визгликов, пресекая попытки сторожа закрыть дверь, – чтоб потом не подниматься.

Стас сделал шаг вперёд, он равнодушно разглядывал пространство, вяло покивал присутствующим.

– Метров сколько комнатёнка? Туалет и раковина какая-нибудь имеется? – он смерил взглядом сторожа. – Пьёшь-то много? А то мне тоже сторож нужен, но такой, чтобы в меру. – Визгликов щёлкнул себя по шее пальцами и удачно встал между Аней и остальной комнатой, фактически закрыв собой ребёнка.

– Э, начальник, мы так не договаривались, – в комнату ввалился один из бойцов, – там воротина на хрен отвалилась. Мужики помогите, я один не удержу.

Подельники Веселовой переглянулись, но она сидела просто глядя перед собой и даже не реагировала на происходящее.

– Мужики, ну помогите, с меня магарыч. – Расщедрился Веня, понимая, что расплачиваться не придётся.

Когда сторож, Веня и остальные мужчины покинули помещение, то Веселова подняла глаза на Визгликова и проговорила:

– Я могу оформить явку с повинной?

– Нет. – спокойно сказал Стас. – Можно было бы говорить о сделке со следствием, но последние три трупа, включая ребёнка, напроць такую возможность отменяют.

– Я всё пытаюсь понять, – вдруг сказала девушка, – сколько мне светит теперь?

– Долго. – просто ответил Стас.

– Вся жизнь в клетке. – уронила Маргарита. – То детдом, то страх и боль, а теперь тюрьма. А вы в курсе, что я там и родилась? – она вскинула на Визгликова глаза. – И сдохнуть, наверное, должна была там. Но я слишком привыкла к свободе, хоть и немного её видела. Аня, – Маргарита тихо позвала девочку, застывшую в каком-то странном оцепенении, в котором она, видимо, пребывала давно. – Мне тебя не жалко. У тебя хотя бы было детство, и папа тебя любил, а меня только использовал, чтобы деньги достать. Так что ты сдохни, пожалуйста, тоже поскорее, чтобы от нашей семейки ничего не осталось на этом свете. – девушка усмехнулась и, резко выдернув руку из-под стола, выстрелила.

По улице грохотом прокатилось эхо, на секунду все замерли, а потом оперативники, уже подошедшие к стоянке, ринулись внутрь. Помощников Маргариты скрутили сразу же, как только те вышли за порог и спустились с лестницы, бойцы вели их к машине, когда услышали

выстрел. Латунин с Погореловым в это время уже двигались к стоянке и сейчас, когда они услышали страшный звук, то в голове билась только одна мысль: «Кто пострадал?».

Когда они влетели внутрь, то увидели забрызганную кровью стену, безжизненно сползшее тело Маргариты и Визгликова, который не отрываясь смотрел на Веселову и гладил по голове бьющуюся в беззвучной истерики Аню.

– Сама? – выдал из себя Латунин.

– Да. – глухо ответил Стас. – «Скорой» скажите, чтобы подъезжала, ребёнка нужно забрать отсюда поскорее.

***

В кабинет, где безмолвно сидели люди, густыми тенями напoлз вечер. Лисицына, стоя у окна, смотрела, как внизу расцветает светящимися вывесками город, Визгликов что-то чертил в блокноте, Кирилл, тыкая в одну кнопку на клавиатуре, листал электронные заметки, а Глафира просто молча смотрела на столешницу и считала в уме количество неровностей и сколов лакированной поверхности.

– Сто двадцать четыре. – вслух сказала она.

– Что? – нахмурилась Анна Михайловна, стоявшая ближе всего.

– Ничего. – помотала головой девушка. – Вроде как Аня в безопасности, а настроение такое, будто я в сточной канаве искупалась.

– То что мы сделали – уже немало. – Визгликов покачал головой и добавил. – Не знаю, как долго будет проходить процесс восстановления психики у ребёнка и неизвестно знает ли Аня о том, что у неё больше нет семьи. Ну и будущее у неё не самое радужное: бабушка там совсем старенькая, так что, скорее всего, после лечения она попадёт в детский дом.

– Мне казалось, что наша работа, это пресечение преступных действий, – Лисицына отвернулась от окна, – всё остальное дело социальных служб. Если мы будем слишком близко впускать каждую подобную историю, то отдел превратится в богадельню. Постарайтесь об этом не забывать, потому что у нас ещё очень много дел. – холодно добавила женщина.

– Чёрт, – несильно стукнул кулаком по столу Визгликов, – мы с Погореловым с утра должны были пойти квартиру этой посмотреть, – он пощёлкал пальцами, – ну, жены мужа со склепом.

Дверь отворилась, и в кабинет, шурша пакетами, ввалились Латунин с Погореловым и остановились на пороге.

– Чё за похоронное настроение? – Рома обвёл взглядом собравшихся.

– Да как-то не до веселья, – пожала плечами Глаша.

– А мне кажется очень даже до веселья, – Погорелов вытащил из пакета бутылку водки и водрузил её на стол, – точнее сказать, мне кажется сейчас самое время для тимбилдинга.

– Серёжа, ты уверен, что правильно понимаешь назначение тимбилдинга? – спросила Лисицына.

– Я? Да! Ведь буквально это командная работа, а вот то, что всё должно проходить по прописанному сценарию, могут думать только ограниченные люди. – Погорелов поставил перед Глафирой пакет, – Глаша, мы выполнили мужскую часть работы и припёрли ужин с напитками, а ты будь добра преврати всё это, – он задумался, ну короче, чтобы жрать не из пакета и не с бумаги.

– Ладно, пусть будет тимбилдинг. – тихо сказала Лисицына.

***

Утром Визгликов проснулся возле своей кровати на полу, он с трудом оторвал щёку от кожаной поверхности ботинка, который почему-то заменял ему подушку, нащупал плед, который скомканный валялся у него на спине и почувствовал, что у него на голове лежит чья-то рука.

– Доброе утро. – сказал он, поднимая голову на уровень кровати и разглядывая лицо смешно сопящей Анны Михайловны.

Лисицына медленно открыла глаза и проговорила:

– Опять?

– Фиг знает, я на полу проснулся. – Стас завернулся в плед, с трудом поднялся и, взглянув на часы, покачал головой. – Блин, мы с Погореловым вчера договорились на квартиру ехать к девяти, сейчас уже половина. Я побежал.

Выскочив из квартиры, Визгликов пробежал несколько пролётов, но вдруг остановился, потому что понял, что он не так уж сильно опаздывалл, а просто позорно смысла из собственной квартиры. Стас выдохнул, натянул тонкий джемпер поверх футболки и вышел из подъезда. Сейчас ему меньше всего хотелось копаться в гудящей с похмелья голове и выискивать тот момент, когда его здравый смысл впал в анабиоз. Сейчас Визгликову нужна была большая чашка кофе и какой-нибудь бутерброд.

Через час они с Погореловым подъехали по указанному Лидией адресу и, поднявшись на этаж, позвонили в квартиру.

– Иду я, – послышалось из-за двери, – иду, не трезвоньте. – Лидия наконец справилась с замками и, неодобрительно глянув на Стаса и Сергея, поджала губы. – Ну чего вчера-то не пришли?

– Так сложились обстоятельства. – безучастно произнёс Стас. – Мы войдём?

– Чай будете? – спросила женщина посторонившись.

– Нет. Вы с дачи переехали? – Кивнув на не распакованные вещи в коридоре, спросил Стас.

– Конечно, чего мне там в одиночестве кукукать. Да и сыкатно несколько, – женщина запнулась, – ну в смысле страшно.

– Ну я понял. – Визгликов огляделся. – Где комната мужа?

– Вон там в конце коридора кабинет у него. – она кивнула на длинный проход, где в конце светлым пятном падал проём. – Ну, вы сами там, мне особо некогда, на работе зашиваюсь, вас-то ещё вчера ждала, – она неодобрительно покачала головой.

– А где работаете? – Стас покосился на старинные часы, висевшие в большой гостиной.

– Учётчица. – пространно ответила Лидия. – Ну, я пойду в комнату поработаю, а вы копайте, чего вам надо.

– Все бы обыски так проходили. – вздохнул Погорелов. – Чего ищем? – он посмотрел на Визгликова.

– Вчерашний день, – раздражённо ответил тот, – откуда я знаю. Исходные данные у тебя есть? Хозяин пропал, в его склепе неизвестные трупы. Вот и работай.

– Что-то вы сегодня не в духе товарищ начальник.

– А у меня просто до фига поводов для радости. – отрезал Визгликов и пошёл к книжному стеллажу, где сверху донизу теснились внушительные тома разномастных изданий. – Напомни мне, а кем работал наш искомый Пётр?

– Инженер. – Погорелов подёргал ящики стола, но почти все они были закрыты.

– А! Ну по профильной профессии у него тут две, три книжки. Всё остальное сильно смахивает на эзотерическую литературу.

– Какую? – оживился Погорелов.

– Не на ту, которая тебе послышалась. – не отрываясь от созерцания корешков книг, сказал Визгликов. – Духовная и эзотерическая.

– Понятно. – протянул Погорелов. – Ящики закрыты, надо ключи.

– Серёжа, тебе подсказать, как добыть ключи? – Стас посмотрел на него. – Или всё-таки ты что-то о дедукции слышал?

– Да что вы все заладили, – раздражённо всплеснул руками Погорелов и вышел в коридор.

– Жениться тебе нужно, вон какой нервный стал. – пробормотал ему вслед Визгликов и набрал номер телефона. – Глафира? Я тебе сейчас адрес скину, тут у меня как раз для тебя работёнка. Тихая и не пыльная и ты сто процентов не вляпаешься в неприятности. Так что руки в ноги и ждём тебя с Погореловым на месте. – Стас повесил трубку и пошёл искать Лидию. – Хозяйшка, – Визгликов остановился на пороге комнаты и посмотрел на Лиду, – сотрудница наша сейчас приедет, и мы её с вами оставим, раз уж вы пока дома трудитесь. – Визгликов остановился возле ноутбука, где на мониторе виднелись большие буквы заголовка «Психоанализ и религия».

– Беру подработку, печатаю быстро, тексты набираю для людей. – перехватила она взгляд Стаса. – А чего сотрудница делать-то будет?

– Ну, так сказать, посвятит осмотру комнаты всё своё свободное время. Вы ключи от стола нашли?

– Да в жизни у меня никаких ключей не было. Я и не знала, что он запирает. И убирался Петя сам всё время в своём кабинете, а я и не настаивала, – она пожала плечами, – мне делов меньше. Ну, пусть едет сотрудница, мне все одно, кто его искать будет, лишь бы нашли. Даже если к молодой сбежал, я хоть знать буду.

– Так, а если наш криминалист аккуратно ящики вскрыет, вы не против будете? – спросил Стас. – Ломать-то не хочется.

– Не хочется им, – пробурчала женщина, – конечно, не хочется. Зовите, специалиста, пусть вскрывает, а так вещи у Пети ценные, старинные, добротные, портить не нужно.

– А давно Пётр эзотерикой увлекается?

Женщина посмотрела на Стаса долгим, прозрачным взглядом и переспросила:

– Это вы намекаете, что он извращенец какой-то?

– Ну если только духовный, – устало пробормотал Стас. – Давно ли Пётр интересуется вопросами, целительных практик и мистикой?

Лида подняла брови и вздохнув сложила руки на животе.

– Вы меня, конечно, простите, я женщина очень простая, но кое-что понимаю. Вы сейчас его в шизики записать хотите и потом снять с себя всякую ответственность и пристрелить при поимке?

– Мне кажется, мы с вами на одном языке говорим, но друг друга совсем не понимаем. У Петра в кабинете полно литературы по мистике и так далее, поэтому я и спрашиваю. – как можно спокойнее объяснил Стас.

– Так если он к молодой ушёл, то зачем вам его книжки? – Лидия в упор посмотрела на Стаса.

– И правда, – выдохнул Визгликов, – о чём это я. – он всплеснул руками и пошёл к входной двери. – К вам приедет Глафира Польская и криминалист Казаков. Всего доброго.

– Стас, ты куда? – на площадке Визгликова догнал Погорелов.

– Серёжа я работать, иначе я в состоянии аффекта совершу противоправные действия. А если я эту бабу задушу, то вряд ли смогу доказать, что это была самооборона. – Визгликов похлопал Погорелова по плечу. – Дождись Глашу и Казакова. Мучайтесь тут сами.

Когда Визгликов вышел из подъезда, то увидел, что у него несколько пропущенных звонков от судмедэксперта.

– Нинель Павловна, вы мне по делу звонили? – спросил он, набрав номер.

– Нет, просто, Стасик, за жизнь покалякать. Мне же заняться нечем. – недовольно отрезала Нинель.

– Ой, ну я не то имел в виду.

– Ты далеко от нас?

– Не очень. Могу заехать.

– Давай, нужно покумекать вместе. – сказала женщина и положила трубку.

Визгликов протёр ладонью лицо, сел за руль и покатился в сторону морга. События последних дней совершенно выбили его из колеи, а спонтанные романтические свидания с Лисицыной, о которых он ничего не помнит и вовсе уничтожали даже намёк на какой-то просвет в настроении. Сейчас Стас прекрасно понимал, что им с Анной Михайловной нужно объясниться, но этого ему хотелось меньше всего. Он никогда не заводил служебных романов и после развода с женой не был ни с кем в длительных отношениях. Ещё сегодня нужно было обязательно заехать к матери, посмотреть в её полные слёз молящие глаза и отрицательно покачать головой в ответ на её молчаливый вопрос. Стас прокрутил уже миллион вариантов, куда мог деться Андрей, но ни один из них не имел ничего общего с действительностью. Веселову было уже не допросить, а мужики, сопровождавшие Маргариту, ничего не знали или просто не хотели говорить. Но сегодня Стас намеревался вечером развязать им языки, чего бы ему это ни стоило. Пусть даже карьеры, работы или свободы.

В таких мыслях он подъехал к моргу и, дойдя до кабинета Нинель, открыл дверь.

– Кофе будешь? – не поднимая головы от бумаг, спросила заведующая.

– Нет. Ничего не хочу.

– Тогда садись. – Нинель откинулась на спинку кресла. – Пришли анализы по твоим трупам из склепа. И понимаешь, какая штука, – она замолчала, – почки мне их не понравились. Как бы тебе, простому смертному, объяснить более понятно, – женщина задумалась, – у меня такое впечатление, что эти люди долгое время находились в одном месте. То есть они были живы и находились в каком-то одном месте и, судя по всему, пили одну и ту же воду.

– Как интересно, – вскинулся Визгликов, – а почему вы так решили?

– Так. По-простому не получилось. – вздохнула Нинель. – Ладно, пошли по более длинному пути. Химический анализ солей, конкрементов и внутренней выстилки почек говорит о том, что жертвы, скорее всего, употребляли воду из одного источника, а также ели пищу, приготовленную на этой же воде. Причём вода не из центральной системы – это, скорее всего, родник или глубокий колодец. И вода бралась без применения фильтров.

– Это уже кое-что! Нинель Павловна, я вам уже в любви признавался? – спросил Визгликов.

– Да не дай бог. – Нинель вздохнула. – Я пока не уверена, но, может быть, мы сможем понять состав воды и выяснить хотя бы район. Вряд ли они где-то далеко обитали.

***

Лисицына долго маялась ожиданием в кабинете заведующего отделением больницы, куда доставили её маленькую тёзку. Суровый седовласый мужчина сказал, что вернётся через двадцать минут, но пунктуальность явно не была его главным качеством. Но Анне Михайловне просто необходимо было переговорить с ним, потому что сейчас она не представляла, как допрашивать такого ценного свидетеля, как Аня Нефёдова. Девочка была в шоке, запугана и, как сказали врачи, с тех пор, как попала в больницу, не произнесла ни звука. Сложно было представить, что ребёнок пережил за то время, пока Веселова таскала её за собой и потом ещё это чудовищное самоубийство на глазах у подростка. Не каждый взрослый выдержит такое испытание, что говорить о ребёнке. Но Аня могла обладать информацией, которая может дать хоть какую-то ниточку.

– Слушаю вас. – дверь в кабинет стремительно распахнулась, и заведующий отделением прошёл к своему столу.

– Я насчёт Ани Нефёдовой. – проговорила Лисицына.

– Ну я так-то понял. – врач снял очки, двумя руками почесал длинные отросшие брови. – Анна Михайловна, если вас в жаркий день неожиданно облить ведром ледяной воды, как вы себя будете чувствовать?

Лисицына воззрилась на доктора и несколько секунд молчала.

– Не совсем вас понимаю.

– Когда разгорячённое тело обливают ледяной водой, человек невольно задыхается, а в голове каша. Вот такой пример привёл нам старенький преподаватель, в мою студенческую бытность. И пожалуй, это самое простое объяснение того, в каком состоянии сейчас находится девочка. Её мир сломался, и она не то что испугана или в ужасе, она просто ничего не понимает. – он вздохнул. – Поэтому если вы что-то хотите от неё добиться, то это практически бесполезно и что самое важное, губительно для её психического здоровья. – доктор встал со своего стула. – Я понимаю, всю ценность так называемых горячих следов, но Аня сейчас вам не помощник. У неё, кстати, родные есть?

– Да, бабушка. Очень пожилая женщина и живёт в другом городе.

– Вот если вы хотите помочь девочке, то срочно везите сюда эту пожилую женщину. Посадим, пусть о внучке неотлучно заботится. У меня нет такого количества персонала, а она, как одна остаётся, начинает биться в тихой истерике. – заведующий всплеснул руками. – А вы говорите допрос. Разрешите откланяться, мне пора.

Мужчина прошёл к двери, открыл её, давая понять, что аудиенция закончена. Лисицына вышла в коридор, несколько секунд подумала и набрала номер сына.

– Кирилл, нужно ехать за Аниной бабушкой. Ты же был у неё и телефон знаешь? Ну и отлично, давай без проволочек, прямо сейчас собирайся, постарайтесь завтра приехать обратно.

***

Глафира, войдя в кабинет Петра, покривилась, провела взглядом по книжным полкам и мысленно пожелала Визгликову какой-нибудь небесной кары.

– Лидия, а где ваш муж мог документы держать? – спросила она у хозяйки.

– Ваш старший уже спрашивал, – вздохнула женщина, – я не знаю, я не спрашивала у него. Ищите, – она развела руками, – я ж не против, я в этом всё равно ничего не понимаю. Хотя у меня такое впечатление, что вы просто создаёте вид работы, а не ищите моего Петю.

Казаков, возившийся возле стола и подбирающий отмычку для замков, покачал головой и посмотрел на Лиду:

– Вы не против, я у вас отпечатки возьму.

– Зачем? – изумилась женщина.

– Ну как зачем? Чтобы сразу исключить их. Мало ли вы документы трогали или книги. Зачем нам лишний раз искать.

– Ой, да делайте вы что хотите. Я пошла работать. – раздражённо проговорила женщина и удалилась.

– А зачем вам её отпечатки? – тихо проговорила Глаша.

– Это очень действенный способ избавиться от лишних людей в комнате. Дактилоскопия зачастую сильно пугает, я правда не знаю почему. – слегка улыбнулся Казаков. – Хитрые здесь замки, сразу и не подберёшься, чтобы не испортить.

– Ладно, в первую очередь нам нужно документы на склеп найти, я так понимаю. – Глаша открыла нижние дверцы в шкафчике и вытянула оттуда объёмную коробку с бумагами. – Я, наверное, здесь жить останусь, тут просто кипа документов.

Погрузившись в перебор разнообразных свидетельств, грамот, выписок и прочих составляющих бумажной волокиты, Глаша вдруг вздрогнула от довольного вскрика криминалиста.

– Есть. Открыл.

Глафира встала, подошла к ящикам и увидела, что все они пусты, кроме одного, в котором сиротливо лежал небольшой ключ, без каких-либо опознавательных пояснений.

Глава 5

Утром Глафира проснулась с ощущением неясной тревоги. Вроде впереди обычный рабочий день, конечно, если ежедневные головоломки со всеми неизвестными можно назвать рутиной. Глаша, волоча за собой полы длинного халата, поплелась в ванную, плеснула несколько раз в лицо водой и только сейчас до неё дошло, что, скорее всего, в квартире она не одна. С кухни явно доносилось звяканье посуды. Быстро перебрав варианты, кто же мог неожиданно-негаданно вломиться в новую тихую жизнь девушки, она пожала плечами и пошла по узкой змейке коридора, который по странной архитектурской задумке отделял основное жилище от санузла и кухонного пространства, протянувшись на добрые три метра.

Ароматы с кухни лились завораживающие, и Глаша сразу успокоилась, потому что вряд ли к ней вломились с целью снова похитить или причинить вред, но перед этим решили вкусно покормить. Глаша поняла, что это может быть только один человек: тётя Рая. Глафира любила общаться с родственницей, та всегда была весела, никогда не унывала и даже в самых сложных жизненных ситуациях находила какие-то плюсы. Глафира улыбаясь зашла на кухню и остановилась на пороге:

– Мама?!

– Проснулась? – с улыбкой обернулась к ней женщина, так словно она не так давно не уехала в Швецию и так, будто они общались только вчера, хотя на самом деле с момента её отъезда они едва ли перекинулись парой слов. – Давай быстро в душ, а я пока на стол накрою.

– Мама, но как?

– Было сложно, – вздохнула женщина, – знаешь все эти почтовые фургоны, нам постоянно приходилось менять лошадей.

– Мама, что ты городишь?

– А ты? – невозмутимо проговорила Людмила. – На самолёте, конечно. Риелтор нашла покупателей на нашу квартиру. Можно оформлять сделку, поэтому спешно пришлось вернуться. Раечка сказала, что ты теперь здесь живёшь.

– Ну да. – Глаша подошла к маме. – Прости меня, мы с тобой как-то нехорошо попрощались.

– Воробушек, – мама отложила тефлоновую лопатку и отодвинула сковородку с плиты, – ты мой ребёнок и я, конечно, тебя простила уже давно. Мне страшно за тебя, мне грустно, что ты остаёшься здесь, но я с этим смирилась. В своих мечтах я буду рисовать, что ты скоро одумаешься и приедешь жить к нам.

– Значит, ты не против? – еле слышно проговорила Глаша.

– А когда это имело значение. – женщина вздохнула. – Воробушек, лети в душ, позавтракаем и нужно двигаться по делам.

Глаша чмокнула маму в щёку и только развернулась, чтобы направиться в ванную комнату, как в кармане халата зазвонил телефон.

– Да, Кирилл. Привет.

– Привет. Дела не очень хорошие. – печально проговорил молодой человек. – Бабушка Ани Нефёдовой умерла несколько дней назад.

– Печально. – Глаша шлёпнулась на табуретку. – Ты Анне Михайловне позвонил?

– Конечно. Собственно поэтому тебя и набрал, она попросила тебя в больницу заехать, посмотреть на девочку.

Потом Глаша машинально мылась, ела нарядную яичницу и тёплые гренки с сыром под весёлый перелив маминых рассказов. При этом всё время думала о том, что пришлось перенести бедной девочке и что теперь, после периода реабилитации, ей придётся поселиться в дет-

ском доме. Родственников у Ани не было. А Нефёдов из тюрьмы выйдет нескоро, да и никто ему больше не доверит опеку над девочкой.

Глаша даже порадовалась, что она сейчас не одна, иначе ей было бы совсем тошно от собственного бессилия и невозможности хоть что-то сделать для этого ребёнка. Конечно, в будущем девочка будет больше чем богата, но до этого светлого времени нужно как-то дожить. Потому что отыскать приличных опекунов, кто поможет ей разобраться в этом сложном мире и не будет зариться на её деньги очень сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.